

ОГОНЁК

ВСЯ ВЛАСТЬ В СССР
ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

Из проекта новой Конституции СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 25 ИЮНЬ 1977

Текст С. МИХАЛКОВА
и Г. ЭЛЬ-РЕГИСТАНА

Музыка А. В. АЛЕКСАНДРОВА

ГИМН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Слався, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Слався, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Слався, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Торжественно. Распевно.

Со - юз не - ру - ши - мый рес - пуб - лик сво - бод - ных сплю -
ти - па на - ве - ки Ве - ли - ка - я Русь. Да здрав - ству - ет
со - здан - ный во - лей на - ро - дов е - ди - ный, мо - гу - чий Со -
вет - ский Со - юз! Сла - вь - ся, О - те - чество
на - ше сво - бод - но - е, друж - бы на - ро - дов на -
деж - ный о - плот! Пар - ти - я Ле - ни - на -
си - ла на - род - на - я нас к тор - же - ству ком - му -
низ - ма ве - дет! Сквозь // низ - ма ве - дет!

Для повторения Для окончания

**ЗАКОН
НАРОДНОЙ
ЖИЗНИ**

Первый государственный подшипниковый завод. Идет общезаводской митинг, посвященный проекту Конституции СССР.

См. стр. 4—6.

ДРУЖЕСКИЙ ОБМЕН МНЕНИЯМИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 25 (2606)

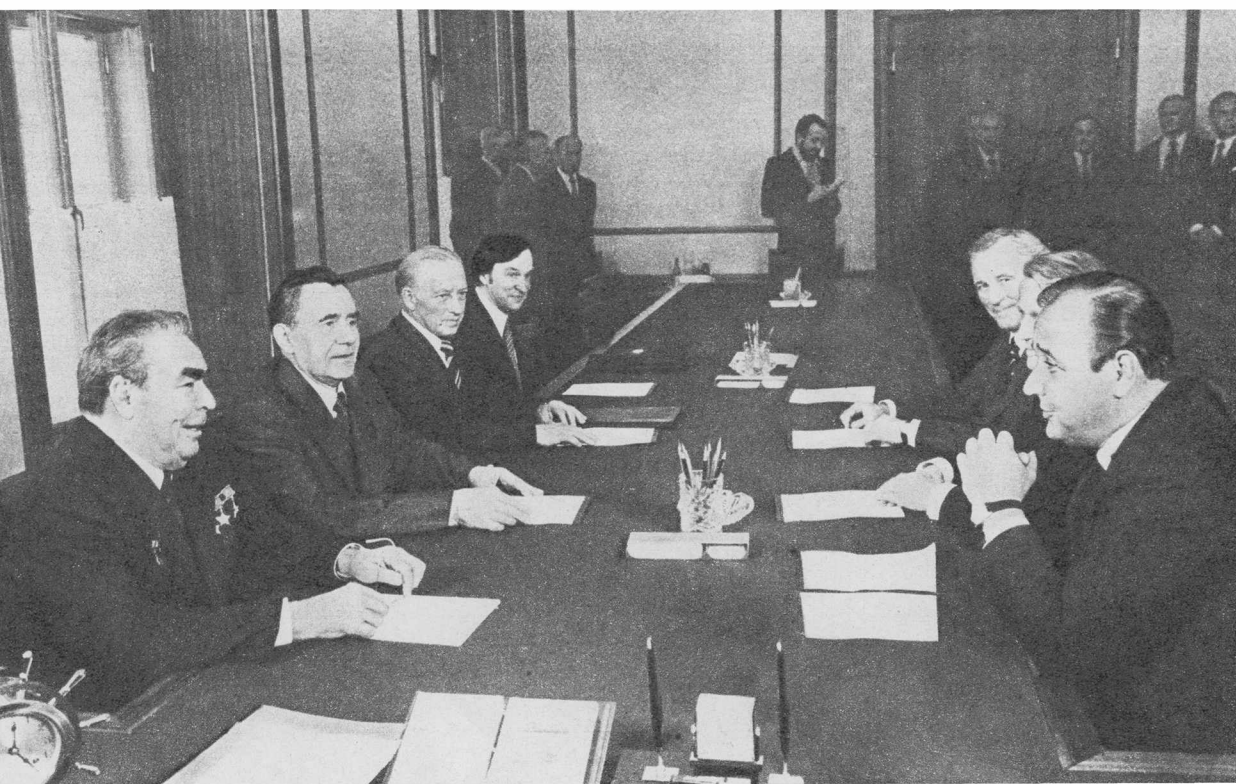
18 ИЮНЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонёк». 1977

8 июня в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем Коммунистической партии США товарищем Гэсом Холлом.

Во встрече приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ М. А. Суслов и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ Б. Н. Пономарев.

В ходе беседы имел место дружеский обмен мнениями по вопросам международного положения и коммунистического движения. Встреча прошла в обстановке полного взаимопонимания, сердечности и братской дружбы, характерных для отношений между обеими партиями, основанных на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

БЕСЕДА

Л. И. БРЕЖНЕВА

И А. А. ГРОМЫКО

С Г.-Д. ГЕНШЕРОМ

14 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко приняли в Кремле находившегося в Советском Союзе с официальным визитом заместителя федерального канцлера, федерального министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера.

Между Л. И. Брежневым, А. А. Громыко и Г.-Д. Геншером состоялась беседа, носившая деловой, конструктивный характер. В ходе беседы имел место обмен мнениями о нынешнем состоянии и перспективах дальнейшего совершенствования и развития отношений между Советским Союзом и ФРГ, а также по

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

10 июня в ЦК КПСС состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с делегацией Ливанской компартии в составе Генерального секретаря ЦК ЛКП Н. Шауи, заместителя Генерального секретаря ЦК ЛКП Ж. Хауи, члена Политбюро ЦК ЛКП, секретаря ЦК ЛКП Н. Абдель Самада и членов Политбюро ЦК ЛКП А. Абда и Г. Рифаи.

Представители КПСС рассказали о деятельности советских коммунистов, всего советского народа по выполнению решений XXV съезда партии, о подготовке к празднованию 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, о всенародном обсуждении проекта новой Конституции СССР.

Представители Ливанской компартии дали высокую оценку достижениям КПСС и советского народа, подчеркнули огромное международное значение 60-летия Великого Октяб-

ря. Они заявили, что проект новой Конституции СССР свидетельствует о неоспоримых преимуществах социализма перед капитализмом, о дальнейшем развитии и углублении социалистической демократии в Советском Союзе. Принятие новой Конституции СССР укрепит позиции прогрессивных сил, даст им новое мощное оружие в борьбе за мир, демократию и социализм.

Ливанские товарищи выразили признательность КПСС за неизменную и твердую поддержку борьбы ливанского и других арабских народов за свои национальные права и интересы.

Было подчеркнуто взаимное стремление КПСС и Ливанской компартии укреплять братские отношения, добиваться дальнейшего сплочения международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Встреча прошла в теплой, товарищеской обстановке.

Во время встречи.

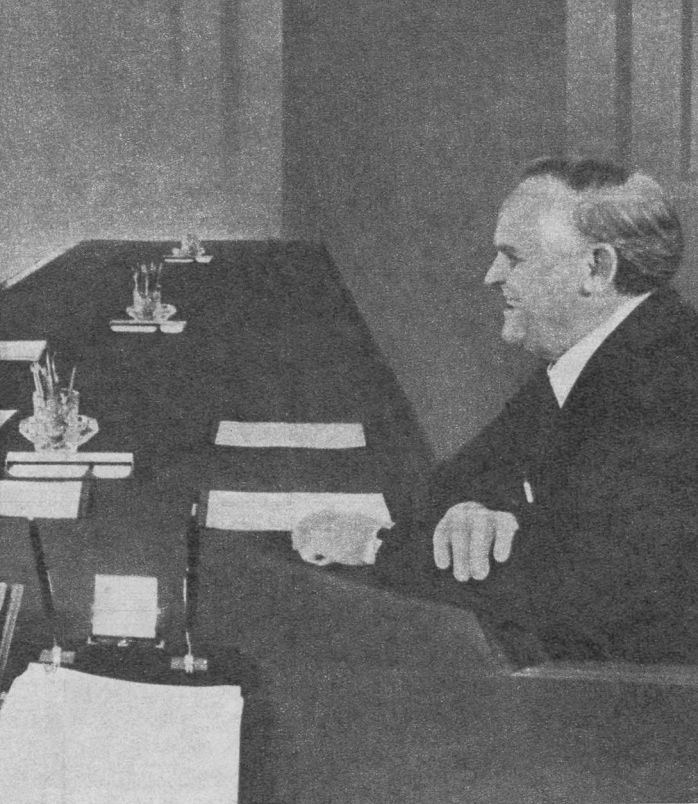

Фото В. Мусазьяна (ТАСС)

некоторым взаимно интересующим международным вопросам.

Было отмечено большое значение неуклонного расширения сотрудничества между СССР и ФРГ на базе московского договора, постоянного роста взаимопонимания и доверия в интересах народов обеих стран, в интересах упрочения мира в Европе и во всем мире.

Л. И. Брежнев подчеркнул неизменность курса Советского Союза на углубление процесса разрядки международной напряженности, придание ей стабильного, необратимого характера. Важную роль в достижении этой цели призвано играть осуществление эффективных мер по ограничению гонки вооружений и разоружению, уменьшению опасности ядерной войны. Пока далеко не все правительства действуют в этом направлении.

Г.-Д. Геншер высказал стремление правительства ФРГ способствовать укреплению отношений с Советским Союзом на основе заключенных договоров и соглашений, а также договоренностей, достигнутых в ходе контактов на самом высоком уровне. Он заявил в этой связи, что предстоящий визит в ФРГ Л. И. Брежнева явится важнейшим политическим событием в отношениях двух государств.

В переговорах участвовали: с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, посол СССР в ФРГ В. М. Фалин; со стороны ФРГ — статс-секретарь МИД ФРГ Г. Ван Велль, посол ФРГ в СССР Г.-Г. Вик.

Фото В. Мусазьяна (ТАСС)

Фото В. Мاستюкова (ТАСС)

ОТПОР ДИКТАТУ МОНОПОЛИЙ

В. МАТВЕЕВ

Американский журнал «Ньюсуик» в номере от 8 сентября 1975 года изобразил на своей обложке расколотый земной шар. Одна его половинка — южная — держится на тонкой шее исхудавшего человека, босого и полуодетого. Другая — северная — торчит на упитанном туловище человека с сигарой в руке и котелком, водруженным на макушке...

Так графически редакция журнала представляет себе раздел мира на «имущих» и «неимущих». Но рисунок ничего не объясняет, а вводит в заблуждение. Такое деление идет не по географической линии. ЮАР, например, с ее расистским режимом находится в южном полушарии, однако представляет собой в Африке цитадель, оплот империалистических спрутов в этой части континента, лишивших коренных жителей самых элементарных прав. В то же время к северу от линии экватора находится немало стран, где значительная доля природных ресурсов, богатств также еще находится под прямым или косвенным контролем крупнейших монополий Запада, что обрекает народы этих стран на тяжелые лишения, бедствия.

Не география определяет межу, водораздел между эксплуататорами и эксплуатируемыми, капиталом и трудом, богатством и нищетой. Это прописная истина, но ее хотели бы затушевать как раз те, кто до сих пор черпает громадные барыши за счет своих операций на просторах Африки, Азии, Латинской Америки. Правда, у них, этих хищников, уже не такая твердая почва под ногами в странах этих регионов, как раньше. Завоевав политическую независимость, страны так называемого «третьего мира» теперь усиливают борьбу за избавление от империалистического гнета и в самой решающей области — экономической.

Целям утверждения эксплуататорской политики служат также попытки идеологов, политиков Запада без всяких оснований вовлечь мир социализма в схему деления на «бедный Юг» и «богатый Север», чтобы тем самым поставить социалистические государства в один ряд с империалистическими державами в вопросе об исторической ответственности за экономическую отсталость развивающихся стран, за последствия колониального гнета, за продолжающуюся эксплуатацию природных ресурсов этих стран капиталистическими монополиями.

В последнее время с различных трибун на Западе участились «призывы» к социалистическим странам — «вступить в ряды участников диалога между Севером и Югом»...

Призывы — не от хорошей жизни для тех, кто их адресует. Их увертки, маневры, призванные сдержать стремление развивающихся стран к перестройке международных экономических отношений на справедливой, равноправной основе, не дают желанного результата.

Полтора года заседали в Париже конференция в составе представителей стран Азии, Африки, Латинской Америки, с одной стороны, и представителей ведущих капиталистических стран — с другой, рассматривавшая широкий комплекс экономических, финансовых проблем, волнующих государства, возникшие на обломках колониальных империй.

Делегаты Запада рассчитывали, что им удастся отделаться от требований представителей развивающихся стран о ликвидации неравноправных экономических отношений с помощью всякого рода манипуляций, в числе которых не последнее место принадлежало коварным попыткам столкнуть развивающиеся страны друг с другом, расколоть их фронт. Определенная ставка делалась и на возможность достижения таких компромиссов, которые создавали бы видимость серьезных уступок со стороны западных держав, а на практике оставляли в неприкосновенности их ключевые позиции в сырьевых секторах развивающихся стран. Так, на разработку сырья за пределами США теперь приходится около 40 процентов всех прямых американских внешних капиталовложений. То же самое показательно для зарубежных инвестиций Англии, ФРГ, Японии.

Упорное нежелание правительств этих стран разжать тиски такой эксплуатации природных ресурсов «за морями», поступиться сверхбарышами, текущими от подобных операций, объясняет тупик, возникший и так и не ликвидированный на упомянутой Парижской конференции. В итоге объявлено о том, что эта конференция прекращает работу и распускается.

Западная буржуазная пресса толкует о «провале». Это смотря для кого... Представители многих стран Азии, Африки, Латинской Америки, добивающихся освобождения от оков неокOLONIALИЗМА, показали возросшую решимость, напористость в своей борьбе. Они готовятся к новым схваткам на этом обширном фронте.

Что же касается СССР и других социалистических стран, то они вовсе не являются сторонними наблюдателями этой борьбы, а оказывали и оказывают ей свою поддержку. Это помощь друга и союзника в борьбе против общего противника — империализма, колониализма, неокOLONIALИЗМА.

Сверкающие сталью и пластиком небоскребы Нью-Йорка и земляные норы, в которых ютятся десятки и сотни тысяч людей, — это можно видеть в западном полушарии на сравнительно небольшом расстоянии одно от другого. Только в качестве процентов и дивидендов страны Латинской Америки выплачивают ежегодно Соединенным Штатам сумму, превышающую миллиард долларов. Кстати, инвестиции США в этой части света равняются 15 миллиардам долларов. Так что монополии США получают такие проценты, которым могут позавидовать самые алчные ростовщики!

Такова сегодняшняя действительность в мире капитала и наживы. Но так не должно быть! Вот почему страны Азии, Африки, Латинской Америки намерены решительно отстаивать свои интересы в ходе дальнейших битв на фронте антиимпериалистической борьбы.

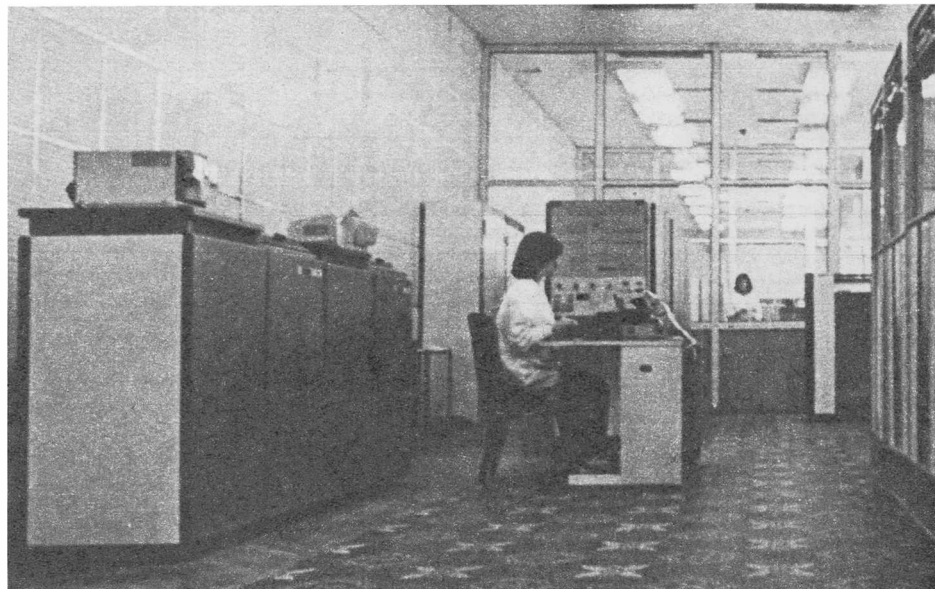
Наставник П. И. Бастрыкин.

Н. М. Мотова.

В машиностроительном техникуме имени Дзержинского.

В зале электронно-вычислительных машин.

**ОБСУЖДАЕМ
ПРОЕКТ
КОНСТИТУЦИИ
СССР**

З. ХИРЕН

Фото А. БОЧИНИНА

ЗАКОН НАР

Первый государственный подшивниковый завод. Мы на общезаводском митинге, посвященном обсуждению проекта Конституции СССР. Митинг открыл секретарь парткома Анатолий Дмитриевич Мелюхов.

— Знаменательно, что проект новой Конституции СССР вынесен на всенародное обсуждение именно сейчас, в год славного шестидесятилетия Октября. Все великие перемены в нашей стране нашли отражение в проекте Конституции. Это новый этап в развитии Советского Союза, итог достижений, завоева-

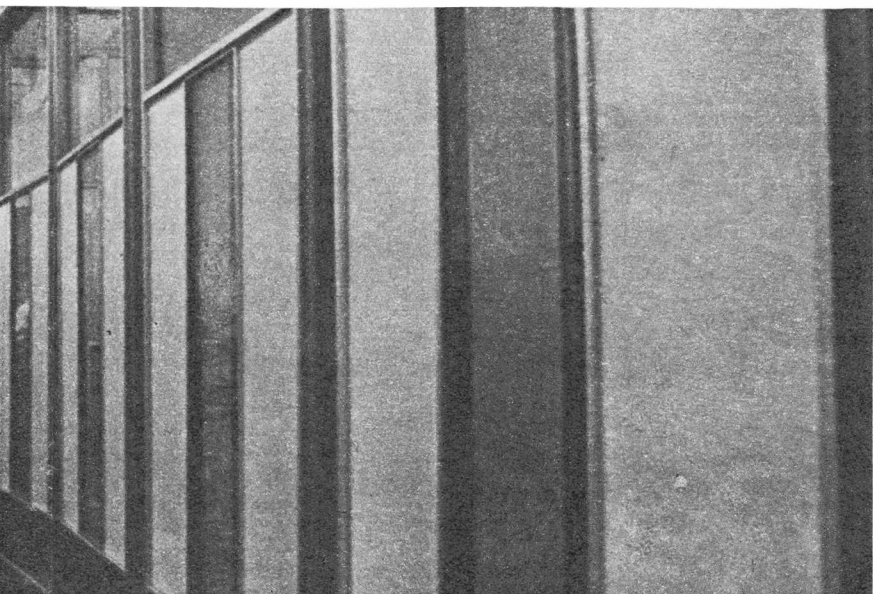
ний за шестьдесят лет существования первого в мире социалистического государства.

Сейчас на Западе очень много говорят о правах человека. Наша действительность — наглядный пример того, чего может достигнуть свободный человек в подлинно свободной стране.

Секретарь парткома не сказал, что слова эти имеют прямое отношение и к его биографии, к его судьбе. Начинал здесь, на ГПЗ-1, в автоматнотокарном цехе. Наладчик, мастер. Учился в техникуме, продолжал трудиться. Окончил Всесоюзный заочный машиностроительный институт. Работал заместителем, а затем главным технологом на ГПЗ-2. Вер-

В детском саду.

Перед новосельем.

ОДНОЙ ЖИЗНИ

нулся на родной завод. Назначили заместителем главного инженера. И вот сейчас — секретарь партийного комитета.

Судьба, похожая на судьбы сотен тысяч советских рабочих. И тем примечательна. Людей с такой биографией на заводе много, начиная от нынешнего директора завода Анатолия Александровича Громова — Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий. В 1931 году стал к токарному станку молодой, веселый, энергичный комсомолец Толя Громов. Отсюда пошел учиться, здесь поднимался по ступеням. Мастер, инженер...

Еще недавно на участке новой техники

бригаду коммунистического труда слесарей возглавлял Герой Социалистического Труда Алексей Васильевич Виктор. Сейчас он член ЦК КПСС, секретарь ВЦСПС.

Но вернемся к одному из ораторов на общезаводском митинге, к шлифовщице Нине Михайловне Мотовой. Ей первой предоставили слово.

— Нам, подшипниковцам, как и всем советским людям, близки и понятны слова Леонида Ильича Брежнева о проекте новой Конституции СССР. В ней закреплены и расширены права советского человека. У нас любому открыт путь к знаниям, овладению про-

фессией, созданы все условия, чтобы развивались таланты, раскрывались творческие способности каждого. Это и о нас с вами сказано в Основном Законе. Сотни наших рабочих и специалистов активно участвуют в рационализации производства, вносят свой вклад в развитие техники. Только в первом году десятой пятилетки в цехах нашего завода смонтировано свыше семисот единиц нового оборудования.

Личный план девятой пятилетки я выполняла, работая на двух станках, а теперь у меня четыре станка-автомата, более сложных и более точных. Твердо убеждена, что личную пятилетку тоже закончу досрочно. Предлагаю в

честь 60-летия Великого Октября и новой Советской Конституции развивать многостаночное движение во всех цехах завода.

Уже после митинга мы решили познакомиться с Ниной Михайловной Мотовой поближе. Во время обеденного перерыва застали ее за мирной беседой с молодыми работниками. Впрочем, она и сама молода, хотя на «Шарике» трудится восемнадцатый год. Пришла девушкой, начала с ученицы. Предшествовала этому такая история. Мотова поступила на мясокомбинат и там же окончила ФЗО. Однажды вечером в клубе, на танцах, только и было слышно: «Шарик», «У нас на «Шарике». Тогда она впервые узнала, что кроется за этим коротким словом. Тогда же и решила увидеть своими глазами, что такое «Шарик». И увидела. И твердо решила, что ее призвание — обрабатывать металл, изготавливать шарикоподшипники. Теперь всякий раз, когда Нина Михайловна садится в самолет — она не раз вылетала посланцем своего завода в зарубежные страны — или в поезд, автобус, вагон метро, она мысленно с гордостью отмечает: «А без нашего «Шарика» им не обойтись».

— Скажете, романтика? — улыбается Нина Михайловна. — Что ж, есть и такой грешок.

Нина Михайловна награждена орденами Ленина и «Знак Почета». Была делегатом XXV съезда КПСС, вторично выдвинута кандидатом в депутаты Моссовета. Там она занята делами, далекими от подшипников, — состоит в секции по охране и защите природы.

Мотова окончила школу мастеров, а сейчас — студентка третьего курса машиностроительного техникума. Что заставило ее вновь пойти учиться?

— Почувствовала, что не хватает знаний для освоения новых станков.

...Вторым на митинге выступил Петр Иванович Бастрыкин. Ветеран, наставник.

— Я принадлежу к старшему поколению, которое является свидетелем и участником всех тех колоссальных преобразований в нашей стране за 60 лет Советской власти, о которых говорил Леонид Ильич Брежнев. До сих пор храню номер газеты «Известия», где в 1918 году была опубликована первая Советская Конституция. Сравнивая проект новой Конституции с ныне действующей и той, что родилась в первый год Советской власти, испытываешь чувство большой гордости. Недавно Леонид Ильич Брежнев выступал по телевидению. Очень хорошо он сказал: ныне каждый советский человек уверен в том, что получит необходимое образование, что его талант найдет применение, что никогда он не останется без работы, что может быть спокоен за судьбу своих детей. Вспоминаю теперь уже далекий двадцать восьмой год, когда я долго стоял в очереди на бирже труда. Работу не мог получить. А ныне у нас работа ищет работников. Радостно мне за молодежь.

На трибуне Федор Омельченко, комсомолец, бригадир. Пришел на завод, выполнив свой священный долг в рядах Советской Армии. Здесь освоил профессию наладчика токарных полуавтоматов, здесь же сложилась семья. Жена Нина — мастер производственного обучения в ПТУ. Федор старается не отставать от нее, учится по вечерам в одиннадцатом классе. Есть у них дочь. Вся, что называется, биография Федора Омельченко сложилась на «Шарике». Здесь он стал бригадиром, здесь стал коммунистом.

Выступает главный инженер завода Илья Борисович Колтунов, преподаватель института, где учится немало рабочих ГПЗ-1, автор многих научных трудов. Незадолго до начала митинга мы сидели у него в кабинете, и он посвящал меня в историю завода. От него я узнал, что еще в 1921 году, 20 октября, по инициативе Владимира Ильича Ленина на Политбюро был поставлен вопрос о шарикоподшипниках. Позже, когда было принято решение о строительстве первого государственного шарикоподшипникового завода, в США направили делегацию советских специалистов. Американские коллеги сказали им: «Мы можем поверить, что русские будут выпускать автомобили, освоить производство тракторов, но что касается подшипников, то идея их изготовления в России нереальна. Обеспечить высокую точ-

ность обработки металла русский человек не может. Точность техники — это результат труда поколений, продукт высокой производственной культуры».

Однажды на партконференции Ждановского района я встретился с академиком Александром Ивановичем Целиковым, и он мне поведал, что готовится к отправке в Англию стан для прокатки шаров, необходимых гигантским шарикоподшипникам, что этот прокатный стан создан в руководимом им институте и что английская фирма проявляет удивительное нетерпение, нажимает на наши внешнеторговые органы, просит поскорее отправить в Англию стан, а с ним и советских специалистов, которые будут вознаграждены по высшей шкале. И еще академик сообщил, что интересуются этим станом и французы и шведы, те самые, которые на протяжении многих десятилетий уверяли, что земной шар вращается вокруг оси при помощи шарикоподшипников, изготовленных ими, шведами, в Гетеборге, на заводах акционерного общества «СКФ». Я рассказываю все это Колтунову, а он улыбается: «К слову сказать, на заседании Политбюро, о котором мы тут вспомнили, фигурировало и название «СКФ». Вот как меняются времена!

Колтунов побывал и в знаменитом шведском Гетеборге и в Лондоне, где произошел небольшой, можно сказать, инцидент. Ему хотелось познакомиться с английскими подшипниковыми предприятиями. Их там восемнадцать, но всюду под благовидными предлогами, а то и без всяких обиняков Колтунов ждал вежливый отказ. И лишь один молодой человек, сын владельца завода (отец в это время был болен), разрешил Колтунову осмотреть предприятие. А затем пригласил гостя на банкет и предложил тост за ликвидацию советского «железного занавеса». Колтунов поднялся с места и, едва сдерживая себя, заявил: «Если за этим столом надобно говорить о «занавесах», то, уж будьте добры, поднимите свои английские шторы. В течение целой недели я добивался разрешения посетить родственные мне по специальности английские заводы и всюду получал отказ. Как это назвать?» Молодой хозяин попросил извинения и сослался на газеты, страницы которых заполнены сообщениями о советском «железном занавесе».

...И еще один адрес был подсказан нам на митинге: машиностроительный техникум, тот самый, где учится Мотова. За годы девятой пятилетки около двух с половиной тысяч работников завода окончили различные учебные заведения, а повысили свою квалификацию и экономические знания более двадцати тысяч рабочих. Завод направляет в вузы наиболее способных и выплачивает им стипендию. В девятой пятилетке так подготовили 70 инженеров, вернувшихся на «Шарик». А сто двадцать заводских стипендиатов все еще продолжают учиться в институтах. И кто-то вспомнил при этом: в тридцатых годах был проведен опрос рабочих — кто желает учиться? Вот ответы. Поступить в техникум пожелало 29 человек, на рабфак — 2, во вузы — 11, на курсы мастеров — 13, на производственно-технические курсы учкомбината — 33. В добавление к этому небольшому социологическому исследованию редактор газеты «За отличный подшипник» А. И. Авязов опубликовал сохранившиеся с тех времен рукописные объявления о часах занятий кружков ликбеза — их вывешивали на деревянных бараках. Кстати, судьба самого редактора сродни судьбам тех, о ком пишет газета. Он пришел на завод рабочим паренком, электриком, много лет был активным рабочим, поступил в Московский государственный университет на факультет журналистики, прочился там без отрыва от производства пять лет, а затем его назначили редактором заводской газеты.

...В тот же день мы побывали в подмосковной зоне отдыха завода. Главный инженер Колтунов предупредил нас, что, кроме этой зоны, завод располагает пансионатами в Мисхоре, Адлере, что из прибыли предприятия 1 миллион 300 тысяч рублей ежегодно отпускается на отдых работников ГПЗ-1 и их семей, что каждое лето тысячи детей выезжают в пионерские лагеря, загородные детские сады, ясли.

ГЕРОИ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

СТРОИТЕЛИ КАМАЗА В «ОГОНЬКЕ»

Строители КамАЗа в гостях у Анатолия Суровцева (в центре). Дмитрий Слесарев, Константин Альников и Умат Наурбиев ставят на память свои автографы на фотографии с первыми КамАЗами, проходящими по Красной площади.

Фото Г. КОПОСОВА

МОСКВА — МЕХИКО

Проложена еще одна трансконтинентальная линия Аэрофлота: Москва — Франкфурт-на-Майне — Лиссабон — Гавана — Мехико. Самолет ИЛ-62М точно по расписанию, минута в минуту, преодолел 13 300 километров, оставив позади восемь часовых поясов. Три экипажа сменяют друг друга, привычно и точно делают свое дело. Рейс был первым, но уже по-настоящему рабочим. Летели не только представители Аэрофлота, прессы, радио, но и заполнившие весь самолет пассажиры, наши соотечественники и иностранцы.

Накануне полета заместитель министра гражданской авиации С. Павлов в беседе с журналистами сказал, что по ритму работы Аэрофлота на зарубежных линиях можно отчасти судить о пульсе международной жизни, о развитии и углублении процесса разрядки. В самом деле, теперь Мексика стала 78-й страной, в которые со-

ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Страною героев по праву стала наша Родина — родина Великого Октября, шестидесятилетие которого отмечается в нынешнем году. В бессмертные вошли герои штурма Зимнего дворца и гражданской войны, герои трудовой славы и те, кто на полях сражений в Великую Отечественную войну тысячами сражался в боях (плюс ночи!) делал все для того, чтобы штыком и гранатой, огневыми залпами «натюш», легендарных Илов и кораблей морского флота приблизить день нашей Победы над гитлеровской Германией.

Трудно назвать самого первого героя этой войны — их были тысячи, но мы, ветераны 176-й стрелковой дивизии, убеждены, что одним из первых был сын туркменского народа Курбан Дурды.

В четыре часа утра 22 июня 1941 года девятая рота 389-го стрелкового полка нашей дивизии, в которой служил Курбан, была поднята по тревоге, развернулась в боевой порядок и с ходу вступила в бой с наступающим противником. К исходу дня подразделение очистило от врага всю левобережную часть Прута.

Когда на следующий день образовалась угроза прорыва обороны левого фланга полка, первым заметил эту опасность Курбан Дурды. Враг уже подготовился к броску. Курбан Дурды устанавливает ручной пулемет на плечи красноармейца Мирошниченко, чтобы в густой и высокой ржи вести прицельный огонь. Он в упор расстрелял гитлеровцев.

Мало кому из солдат или командиров Красной Армии приходилось в первые дни войны действовать на вражеской территории. А младшему сержанту Курбану Дурды командир 9-й роты капитан Олисашили дал именно такое задание. Позднее в наградном листе Курбана Дурды появилось следующее: «26 июня 1941 года мл. сержант Курбан Дурды со своим отделением, действуя в составе 9-й стрелковой роты, получил приказ идти в разведку. Переправился через реку Прут... Находился там в течение суток, нанес на карту все огневые точки противника, а потом открыл по нему ураганный огонь... Разведчики вернулись всем отделением, без потерь».

Сержанта Курбана Дурды представили к награде. Среди подписавших этот наградный лист был командир 48-го стрелкового корпуса генерал-майор Р. Малиновский.

В бою за город Котовск Курбан со своим отделением трижды ходил в контратаку, а когда был убит его командир роты, он, раненый, принял командование ротой на себя и удержал высоту 239,8.

Как ни трудны были дороги до Москвы в 1941 году, наградной лист на Курбана Дурды дошел до Кремля, и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 ноября 1941 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Курбан Дурды первым из воинов нашей дивизии и первым из сынов Туркмении был удостоен такого высокого звания. А после излечения в госпитале Курбана пригласили в Москву, и 6 марта 1942 года вручили ему высокую правительственную награду. На редком снимке, полученном нами в Центральном архиве кинофотофонодокументов, во втором ряду слева наш побратим Курбан Дурды. После войны он окончил педагогический институт и до конца жизни занимался большой общественной деятельностью, работал директором музея в Туркмении.

М. ГОРБАЧЕВ, писатель,
А. ЕЖКОВ, журналист

Умат Камбулатович Наурбиев и Константин Михайлович Альчинов — вожаки прославленных бригад, отличившихся на строительстве КамАЗа. За пуск первой очереди автомобильного комплекса У. К. Наурбиев награжден орденом Ленина, К. М. Альчинов — орденом Трудового Красного Знамени. Правительственных наград удостоены и члены их бригад. «Огонек» уже рассказывал об этих коллективах (№ 31 за 1976 год и № 8 за 1977 год), которые стали лауреатами двух этапов конкурса в первом году десятой пятилетки, завоевали приз журнала в соревновании на лучшую бригаду, работающую по новой системе хозяйства.

По условиям конкурса редакция принимала в Москве представителей бригад-лауреатов. Это уже стало доброй традицией. Среди гостей — секретарь Комсомольского райкома партии Набережных Челнов И. Т. Козырева. В составе группы также члены жюри конкурса, начальник отдела труда и зарплаты Камгэсэнергостроя А. В. Кабанов, кинооператоры, готовящие фильм о соревновании на стройке.

Гости «Огонька» побывали в Звездном городке, в музеях и театрах столицы. Интересной была встреча в Бибиреве, в районе экспериментальной застройки, где трудится одна из лучших бригад Главмостстроя, возглавляемая Анатолием Михеевичем Суровцевым. Этот коллектив работает на под-
вершают регулярные рейсы наши самолеты. Аэрофлот планирует в ближайшее время наладить регулярные полеты в 100 аэропортов более чем 90 стран, перевозка по международным трассам в полтора раза больше пассажиров, чем за предыдущие пять лет.

Обо всем этом шел разговор на пресс-конференции, которая состоялась сразу же после прибытия нашего самолета в Мехико. Многочисленные представители городской администрации и общественности, работники прессы, радио и телевидения в течение часа задавали вопросы известному советскому пилоту, Герою Социалистического Труда А. Витковскому. Их интересовало и количество пассажиров, и расписание полетов, и перспектива развития новой трассы, и общий вес груза, который будет брать наш Ил...

Затанувшая пресс-конференция затем продолжилась в небе-

тились как старые друзья: они познакомились прошлым летом в Волгодонске, когда на «Атоммаше» проходило Всесоюзное совещание бригадиров с крупнейшими строителями страны.

Строители КамАЗа забросали москвичей вопросами: «На какое время заключается подряд? На сколько объектов? Как распределяются в бригаде премиальные? За счет чего экономия?» И были озадачены, услышав в ответ: «Экономии как таковой у нас нет. Мы получаем сто процентов того, что положено для каждого дома. Сэкономить — значит что-то недоделать, и жители нам этого не простят». С этими словами Суровцев повел камазовцев на пятнадцатый этаж, где представил гостям известного штукатура, заслуженного рационализатора РСФСР Алексея Михайловича Пиванова. Более полувека проработал он на различных стройках, даря людям красоту и уют. Инструктор передовых методов труда продемонстрировал новые приспособления, облегчающие труд отделочников. И тут же получил приглашение: «Ждем вас в Челнах...»

В редакции «Огонька» состоялась дружеская беседа со строителями КамАЗа. Профорги бригад Г. Сайбель и Д. Слесарев и группкомсорги Д. Тиманов и А. Кокоткин рассказали о том, как отдыхает, учится, о чем мечтает молодежь, ведь оба коллектива молодежные. Бригады говорили о новых задачах, стоящих перед ними.

Ее участники перешли из здания Аэрофлота на борт советского лайнера. Он стремительно и плавно поднял их над мексиканской столицей, и еще в течение полутора часов рассуждения шли на высоте в несколько километров. Демонстрационный полет и завершил открытие новой линии Аэрофлота. Этому событию здесь уделяют большое внимание телевидение, радио, газеты.

Сейчас представители Аэрофлота заняты составлением списков пассажиров на очередной рейс. Это не простая задача: многие мексиканцы выражают желание слетать в нашу страну на советском самолете. Новая трасса работает — трасса дружбы и сотрудничества.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
журнала «Огонек»

Мехико,
по телефону.

Работники производственного объединения «Таллэкс» внимательно читали проект новой Конституции СССР. И мнение у всех единодушное: новая Конституция станет еще одним свидетельством превосходства нашего социалистического строя, самого справедливого и гуманного в истории человечества.

У нас, рабочих людей, особую гордость за свое Отечество вызывает статья Конституции, где говорится о труде: «Источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный труд советских людей».

Свободный творческий труд! Об этом мечтали поколения передовых представителей человечества. А воплотилась эта мечта в стране победившего социализма.

Для советских рабочих труд уже стал первой жизненной потребностью. Стал он жизненной потребностью и для нас, тружеников объединения «Таллэкс», которое теперь является единственным поставщиком экскаваторов-дреноукладчиков — и для советских республик и для государств-членов СЭВ. Ежедневно с помощью эстонских экскаваторов строится дренаж на площади свыше

600 тысяч гектаров. В честь 60-летия Великого Октября коллектив объединения решил досрочно, к 1 октября, выполнить годовой план поставок экскаваторов мелиоративным организациям Нечерноземья.

В субботу 4 июня мы знакомились с проектом Конституции, а накануне, 3 июня, в газете было опубликовано письмо Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим «Таллэкса». «Поставленные вами за последние десять лет 11 тысяч экскаваторов-дреноукладчиков», писал Леонид Ильич Брежнев, «играют важную роль в осуществлении выработанной партией широкой программы развития сельского хозяйства». Эта высокая оценка нашего труда обязывает нас работать еще лучше, добиваться еще больших успехов. И мы не пожалеем сил, чтобы достойно ответить на заботу партии, государства, предоставляющих нам все условия для творческого труда.

В. ЛИЙВ,
токарь производственного
объединения «Таллэкс»,
депутат Верховного Совета СССР

ЦЕЛЬ — КОММУНИЗМ

Представители тридцати шести национальностей трудятся рука об руку на нашей всесоюзной ударной комсомольской стройке — четвертой очереди Каракумского канала имени В. И. Ленина.

Строительные материалы шлют нам Россия, Узбекистан, Прибалтика. Мы соревнуемся с азербайджанскими коллегами из «Главазмелиоводстроя». К нам приезжает знакомиться с передовыми методами труда молодежь других республик.

Воды канала, дающие жизнь пескам Каракумов, — это ли не еще одно свидетельство справедливости утверждения проекта Конституции о творческом единстве народов, которых сделала

братьями сама жизнь, общность великой цели — коммунизм!

Штаб нашей всесоюзной молодежной стройки совместно с ЦК комсомола Туркменистана приступил к организации широкого оздоровления молодых строителей канала с проектом Конституции СССР.

Молодежь с энтузиазмом встретила статью проекта Конституции, предоставляющую право избирать и быть избранными в Советы народных депутатов всем гражданам СССР, достигшим 18 лет.

Д. КУРБАНОВ,
начальник штаба стройки канала

Туркмения.

САМОЕ ГЛАВНОЕ — МИР

Проект новой Советской Конституции вызвал в Польше огромный интерес. Его оживленно обсуждают не только на собраниях, на встречах депутатов с избирателями, но и на рабочих местах, в семьях. И это потому, что все без исключения достижения советского народа, отраженные в проекте, сами основы жизни Советского государства касаются каждого из нас, затрагивают насущные проблемы нашего времени и будущего — мир, разрядку напряженности, прогресс.

Огромное международное значение имеет то, что ныне в проекте новой Конституции появилась специальная глава, где говорится, что СССР последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение без-

опасности народов и широкое международное сотрудничество. Мы, поляки, пережили ужасы войны и знаем, что самое высокое благо для каждого человека, для каждой семьи, для каждой нации — мир. Мы гордимся тем, что именно благодаря силе и авторитету Советского Союза и всего нашего братского социалистического содружества угроза новой войны стала намного меньше.

Но нас ждет еще упорная борьба за достижение прочной разрядки, так необходимой всем народам.

Зузанна ПОЛОНСКА,
депутат Сейма ПНР,
монтер завода «ОМИГ»

Варшава.

НАКАЗ

Странно, но впервые я увидел город Шелехов еще в Иркутске. Город в городе? Не совсем так. Я увидел его в графических листах и акварелях детских рисунков, выставленных в областном кинотеатре. На них строительные краны упирались в небо, среди сосен возникали кварталы новых домов, чем-то похожих на кварталы новосибирского Академгородка, цвели яблоневые и черемуховые аллеи, улыбались молодые лица... И такой юностью веяло от выставки Шелеховской детской художественной школы, что захотелось немедленно отправиться туда, в этот город, носящий имя одного из первых русских землепроходцев. И я поехал.

На горизонте за лесом дымили трубы алюминиевого и кабельного заводов, в городе же ни одной трубы не было. Честно говоря, я не обратил бы на это внимания, но Майна Степановна Архипова, председатель горисполкома, спросила вдруг:

— Вы ничего не замечаете? У нас же чистейший воздух, ни дыма, ни копоти, потому что все дымящее и коптящее далеко за городом...

Меня привело в Шелехов желание узнать, как выполняются указы избирателей. Но председатель горсовета как будто не спешила с ответом.

Мы уже осмотрели полгорода: новостройки и детсады, магазины и кафе, парк и стадион. Яблоневые лепестки падали на асфальт, у школ бегали ребятишки, они же важно катили в колясках, они же плескались в школьных бассейнах, они же гоняли мяч в спортзале, они же с увлечением сажали молодые деревца. И возникало ощущение, что Шелехов словно бы создан для юных. Тогда я еще не знал, что по рождаемости город держит первое место в области.

— Насчет дымящего и коптящего, — продолжала Майна Степановна, — были в свое время указы от избирателей: чтоб не допустить, значит. Вот и стараемся. Город наш еще подросток, чуть больше десяти ему. Начинали его молодые на пустом совершенно месте, и молодые живут в нем сейчас — восемьдесят процентов населения до тридцати лет. Прочитайте-ка названия улиц: бульвар Комсомольский, улица Орловских комсомольцев (они начинали тут с палаток), улица Леонида Кулика — первого комсомольского вожака...

Кстати, сама Архипова тоже приехала в город, когда он существовал в основном в чертежах. Молодому председателю горисполкома хотелось, чтобы он был зеленым, нарядным, чтобы асфальт дорожек, тротуаров и улиц был всегда чист. Но иногда бывало так, что дома сдавались в спешке и благоустройство существовало лишь на бумаге и в обеща-

ниях. Не принимать дом — значит отодвинуть праздник новоселья. С другой стороны, и новоселье не новоселье, если с порога придется прыгать в лужи или грязь. И однажды она решилась. Сдавался дом. Она надела самые лучшие туфли и поехала с комиссией на приемку. Конечно, Архипова прекрасно знала, что в туфлях к дому не подойти, и сказала жестко, не выходя из машины:

— Вот что, друзья, тротуар дому так же важен, как и крыша над головой. Запомните это. Вы же для своих товарищей строите, значит, делайте лучше, чем для себя. Когда в этих вот туфлях можно будет здесь пройти, тогда зовите комиссию. Желаю успеха.

Напрасно строители шутили обещать ее в дом на руках. Она шутку не приняла.

— Новоселов тоже будете вносить на руках? — И уехала.

Те туфли долго вспоминались строителями, зато в благоустройстве с тех пор наступил порядок. Теперь ей кажется, что это было давным-давно...

— А вас не волнует в связи с этим проблема занятости женщин? — спросил я председателя.

— Как же не волнует, ведь это общая проблема молодых рабочих городов, таких, как наш. Но мы делаем все, чтобы ее решить. В указах избирателей был такой пункт: построить швейную фабрику. Депутаты приложили немало сил, чтобы выполнить этот наказ. Фабрика работает, но в проходивших встречах избирателей с кандидатами этот вопрос вновь возник. Есть, вы знаете, указы, которые депутатам не решить сразу, в короткий срок...

— Много ли указов было депутатам последнего созыва и какие из них вы считаете главными?

Я немного лукавил, задавая этот вопрос, потому что на стенах домов уже видел обращение к избирателям, которое начиналось так: «Уважаемые избиратели — жители города Шелехова! Исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся информирует вас о том, как выполняются указы избирателей. За пятнадцатый созыв... получено сорок указов избирателей. Из них выполнено 34, в стадии выполнения — 6». Далее подробно перечислялось все, что сделано по наказам.

Читая обращение, я вспоминал, что у самых истоков Советской власти, на II Всероссийском съезде Советов, был принят исторический ленинский Декрет о земле, который опирался на 242 наказа, данных крестьянами своим уполномоченным. Около двух лет назад депутаты местных Советов страны приняли к исполнению 760 тысяч наказов. Из них 40 — здесь, в Шелехове. Всего только сорок, но за ними

жизнь, насущные проблемы, мечты о лучшем.

— Вы знаете, в чем дело, — прервала ход моих мыслей Архипова, — среди наказов избирателей нет ведь неглавных, все они главные. Иное дело — одни полегче выполнить, другие потрудней. Помните, как об этом говорил на XXV съезде КПСС товарищ Брежнев: «По инициативе депутатов Советов сейчас выдвигается и решается много важных вопросов. Надо прямо сказать, что предложения, вносимые депутатами на основании наказов избирателей, отражают потребности и нужды нашего народа, нашей жизни в целом».

Мы остановились на краю сосновой рощи у сооружения, поразившего меня необычностью архитектурной формы и тщательностью отделки.

— Вот полюбуемся, — сказала Архипова, — это один из наказов избирателей во плоти — Дворец культуры металлургов. Пущен только-только.

Да, это был настоящий дворец. Отделанный байкальским мрамором и армянским туфом, он предлагал все удобства для отдыха и развития творчества горожан. В одном крыле разместилась превосходная библиотека, в другом — крытый спортзал с трибунами для зрителей. А на сцене шла репетиция спектакля «Красная шапочка». Афиши извещали о скором приезде драмтеатра. Я обратил внимание на превосходную мебель. Мне пояснили:

— Спасибо нашим депутатам. Они обращались во Внешторг, и там помогли приобрести новый комплект мебели в Венгрии. С их же помощью сюда прислали из Риги лучшие сорта дерева для отделки, из Армении — туф и травертин. Травертин — это камень, способствующий лучшей акустике...

— Только не думайте, что все так легко нам дается, — продолжила разговор председатель горисполкома. — Вы, конечно, знаете, что в Законе о статусе депутатов особо подчеркнуто, что депутат должен активно участвовать в контроле за выполнением указов избирателей. Одной из форм контроля стал депутатский запрос, которым мы широко пользуемся. Однажды на сессии поступил такой запрос депутату горсовета Юрию Сергеевичу Гаврюшину, начальнику СМУ жилстроя: «Почему затягивается сдача дома с библиотекой на 60 тысяч томов? Это записано в указах избирателей». Гаврюшин клялся, что дом к концу года будет сдан. Но дом не сдали. И тогда депутаты от имени своих избирателей выразили Гаврюшину недоверие. Конечно, депутатом он быть уже не мог. Это ведь и в ныне действующей Конституции и в проекте новой записано, что депутат, не оправдавший доверия, может быть отозван в любое время. Советы и их депутаты не дают пустых обещаний, они должны дорожить своим авторитетом. Сейчас, кстати, дом с библиотекой начинает готовиться к сдаче. Он под пристальным вниманием горисполкома.

Мы шли по новой аллее, возникшей только вчера. Она называлась Депутатской. Есть один день в году, когда все депутаты города, и бывшие и настоящие, выходят на посадку деревьев, — День депутата. Он как праздник, этот день, как гимн труду, воплощенный когда-то в стихах:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвести...

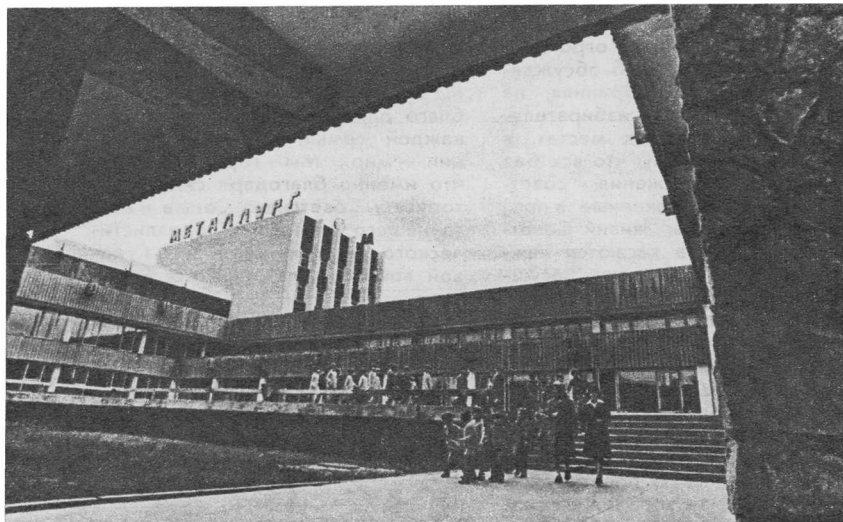
Не потому ли в Шелехове все события, большие и малые, отмечаются посадкой деревьев: поступление в школу и окончание ее, проводы в армию и свадьбы. Вчера, в День депутата, было посажено 1700 деревьев — ядро будущего парка имени 60-летия Октября. А завтра... Завтра что же — снова заботы, нескончаемые депутатские заботы.

Мы говорили с Архиповой и о других наказах, которые будут выполнять вновь избираемые депутаты, и Майна Степановна, задумавшись, сказала:

— Есть один главный наказ. О нем сказано в проекте новой Конституции СССР: «Депутаты являются полномочными представителями народа в Советах народных депутатов».

Полномочными представителями, — повторила она.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Дворец культуры «Металлург» построен по указам избирателей.

А. Ткачев. Род. 1925. С. Ткачев. Род. 1922. ДОГОРАЮЩИЙ ВЕЧЕР. 1976.

ХІІІ выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Э. Илтнер. Род. 1925. У МОРЯ. 1977.

XIII выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Отклики продолжают поступать, и по просьбе читателей нашего журнала и журналов социалистических стран, совместно с которыми «Огонек» проводит конкурс, мы продлеваем его срок до 1 сентября 1977 года. Ждем ваших новых писем!

9

красота
человеческая

РАЗГОВОР С

Элиста. Памятник Оке Ивановичу Городовикову.

ОТЦОМ

Усида ребятишек — озеро Цаган-Нур.

«В СССР построено развитое социалистическое общество...»

Это — общество, в котором... складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности».

Из проекта новой Конституции СССР.

Михаил ХОНИНОВ

Фото Г. КОПОСОВА

Почти каждый год летом, во время школьных каникул, я со своим младшим сыном Айтой выезжаю в степь. Сперва навещаем родные места, затем отправляемся в другие районы Калмыкии... Едем мы не только любоваться степной равниной и загадочными древними курганами, на которых гнездятся орлы, но и познавать новые для нас, неповторимые дали, где наши предки веками мечтали о светлом будущем, о котором сложно столько песен, сказок и легенд.

Поездка наша не ограничивается степным краем, она продолжается в Белоруссии, ставшей моей второй родиной: тут я почти три года сражался с фашистскими оккупантами в рядах партизан.

У моего Айты много друзей и в калмыцкой степи и в лесной Белоруссии. Теперь он сможет и самостоятельно ездить туда — нынче, в год шестидесятилетнего юбилея Октября, он заканчивает десятый класс. Верю, что дорога его будет длинной и белой. Белое у нас, у калмыков, означает светлое, счастливое.

В последней поездке мы как-то отдыхали с ним среди тюльпанов. Я кивнул ему на пышное разнотравье и сказал, посмеиваясь: «Когда подрастешь, женю тебя на такой же красавице, как степь...»

Айта по-детски, стеснительно рассмеялся и спросил: «Эцке-отец, скажи, пожалуйста, как раньше жили калмыки? Кем был мой дед, твой эцке?..»

* * *

Я часто говорю с отцом. Его уже нет на свете, но он всегда в моем сердце, в моей душе. Говорю я с ним не только тогда, когда мне приходится трудно, говорю всегда, особенно когда размышляю о днях сегодняшних и о днях грядущих. Он мой советчик и учитель. Помню его молодым, сильным, красивым, завидного роста мужчиной.

Новая жизнь в степь пришла бурно, первыми ее вестниками были неслыханные слова «Сове-

ты», «колхозы», «совхозы»... Не сразу степняки научились правильно их произносить, сначала с грехом пополам выговаривали по слогам. Словно пшеница на хорошей почве, зрели мысли моего отца и его сверстников. В трудной борьбе со старым укладом рождалось новое мировоззрение.

В только что организованных колхозах было по два-три партийца, а комсомольцев считали по пальцам. Грамотеев в хотопах всего-то счетовод колхоза да секретарь сельского Совета. Словом, не числом брали, а жаром сердца: вели огромную разъяснительную массово-политическую и воспитательную работу среди безграмотных, темных людей, рассказывая им о будущем социалистическом обществе. И трудно было и страшно. Враг нападал из-за угла, стрелял в спину из обрезов или пускал в ход ножи. Пали многие. Но, побеждая темные силы, коммунисты и активисты шли дальше и дальше.

Мой отец был беспартийным большевиком. Работал чабаном. Он любил свою профессию и не расставался с ней до конца жизни.

Однажды утром ноябрьского праздника мы с ним забрались на белоголовый, густо заросший ковылями курган. Он стоял в двух километрах от родного хотона Цаган-Нура, возле самой дороги, которая теперь ведет к Волгограду.

— Здравствуй, наран-солнце! — громко сказал отец и молча, задумчиво глядел на восход докрасна раскаленного светила. Я не раз слышал эти слова, когда работал у него, чабана, арбичем — помощником, и теперь решительно спросил:

— Эцке, почему ты здороваешься с солнцем не всегда, не каждое утро?

— Солнце помогает мне разогнуть спину, кевюн-сынок. Утро — предвестник дня! Я здороваюсь с солнцем каждый раз, просто ты это слышишь только, когда не спишь. Солнце-то какое — как молодой золотистый конь!..

Сравнение с конем было не случайным — отец рос в седле: у нас говорят, что калмык требует коня сразу же после пеленки.

— А сейчас, сынок, время такое, что человек вообще разгибает спину. — И он, раскрыв на коленях букварь, показал мне на первой странице портрет Ленина. — Посмотри хорошенько на этого человека, на его глаза...

Я посмотрел и утвердительно кивнул...

И добрая улыбка эта И глаз прищуренных лучи Мне вдруг напомнили поэта, Калмыка, деда-джангарчи.

Когда я потом начал изучать историю партии, то не раз вспоми-

нал тот ликбезовский букварь и слова отца о человеке, разгибающем спину, и я чувствовал себя строителем нового общества — социализма. Тогда на кургане я спросил отца:

— А ты какой человек сейчас?

Отец задумался и ответил:

— Я?.. Я, пожалуй, скоро буду человеком новым. Сейчас время всего нового. И дом у нас скоро будет новый вместо жалкой кибитки.

Семья наша была большая, и нам было очень тесно.

— На собрании председатель говорил, — продолжал отец, — что дома у нас будут деревянные и каменные, как в большом городе.

Наш улусный центр Малые Дербеты располагался совсем недалеко от Царицына, и отец не раз возил на волах колхозное зерно на царицынский элеватор.

Этот наш разговор происходил в 1930 году. Начали мы его на вершине кургана, а закончили у жаркого костра. Вокруг простиралась степная ширь — отцова земля. Она лежала огромной распластавшей крыльях птиц, изнуренной жестоким зноем. Совсем рядом, словно серебряная монета в желтом песке, блестело озеро Цаган-Нур. В камышах пронзительно кричали чайки, гоготали гуси, кричали утки.

— Воды мало, сынок, слышишь — птицы жалуются, — повел подбородком в сторону озера отец и, подбросив в костер кизяка, продолжал: — На днях в хостоне был какой-то грамотный человек из Элисты. Сказал, что по нашему Цаган-Нуру пойдет волжская вода и поплывут белые пароходы. Не сказка ли это? И когда оно будет? Я, верно, не увижу, а ты увидишь.

Да, отец, на моих глазах

свершилось чудо
на песчаном лоне.
А кто кудесник? Человек!
И воды — необъезженные
кони —
В сверкающий пустились бег.

Тогда это казалось сказкой, но она стала былью. Посмотрел бы сейчас отец, как разлилась морем волжская вода, как пришел канал, оживив огромную изнуренную зноем птицу. Она зацвела, его земля. В Сарпинской низине нынче буйно растет рис, которого он так никогда и не попробовал.

Спустя восемь лет после того разговора отец пришел ко мне в Элисту. Пришел пешком. Двести двадцать верст он отмахал довольно быстро. Со смехом говорил: «По шестьдесят верст в день делаю, плохому коню за мной не угнаться. Учись хорошо ходить, сынок, пригодится».

— Пришел к тебе, чтобы и тут встретить золотого коня — солнце, — пробасил отец, поправляя пушистые длинные усы.

Было это 6 ноября 1938 года. Солнце встречал он на окраине Элисты, где на возвышенности стояли два ветряка — мельницы на Дивнинском шоссе. Элиста еще вся уместилась в котловине.

И вот, когда взошло солнце и заалела кумачом молодая Элиста, мы с отцом зашагали рядом в колонне артистов драматического театра: он сам настоял, чтобы я и мой брат Лиджи учились на артистов. Мы выполнили его пожелание — стали актерами. Все в нашей семье, кроме меня, хорошо играли на различных инструментах. И поныне помнят земляки, что в семье Хонинова

и стар и млад играют и пляшут, люди в шутку говорили, что даже телята возле нашей кибитки танцуют на привязи. Сам отец играл на калмыцкой домбре.

В руках мужчин домбра звучит сильнее, нежели в женских, — звук ее разносился далеко по степи. Но еще лучше он владел скрипкой...

Радости отца не было границ — и на демонстрации и позже, когда он в колхозе говорил: «Какой я счастливый, в Элисте ходил с сыновьями и со всеми людьми под знаменами красного Октября!»

А вечером того дня он сидел в театре (ныне актовый зал Калмыцкого государственного университета) и смотрел пьесу, в которой два его сына исполняли роли колхозников-степняков. Перед отцом разворачивалась жизнь бывших кочевников, ставших колхозными пастухами. Это была его жизнь. После спектакля Лиджи осторожно спросил отца: «Эцке, ну как, понравилось?» Старик, почесав затылок, ответил: «Понравилось, только одно непонятно: почему сидевшие в зале люди часто хлопали ладошками? Я ни разу не хлопнул!»

Мы посмеялись и сказали, что, значит, людям понравилась игра артистов, потому они и аплодировали.

— Вот как! — удивился он. — А ведь у калмыков принято хлопнуть в ладоши, когда проклинают нечистую силу или своего врага...

Элиста жила Октябрьским праздником — всюду ликование, веселье. Мы повели отца по городу. Когда проходили мимо новой электростанции, отец остановился у большого открытого окна и внимательно послушал голос машины, которая «делала электричество».

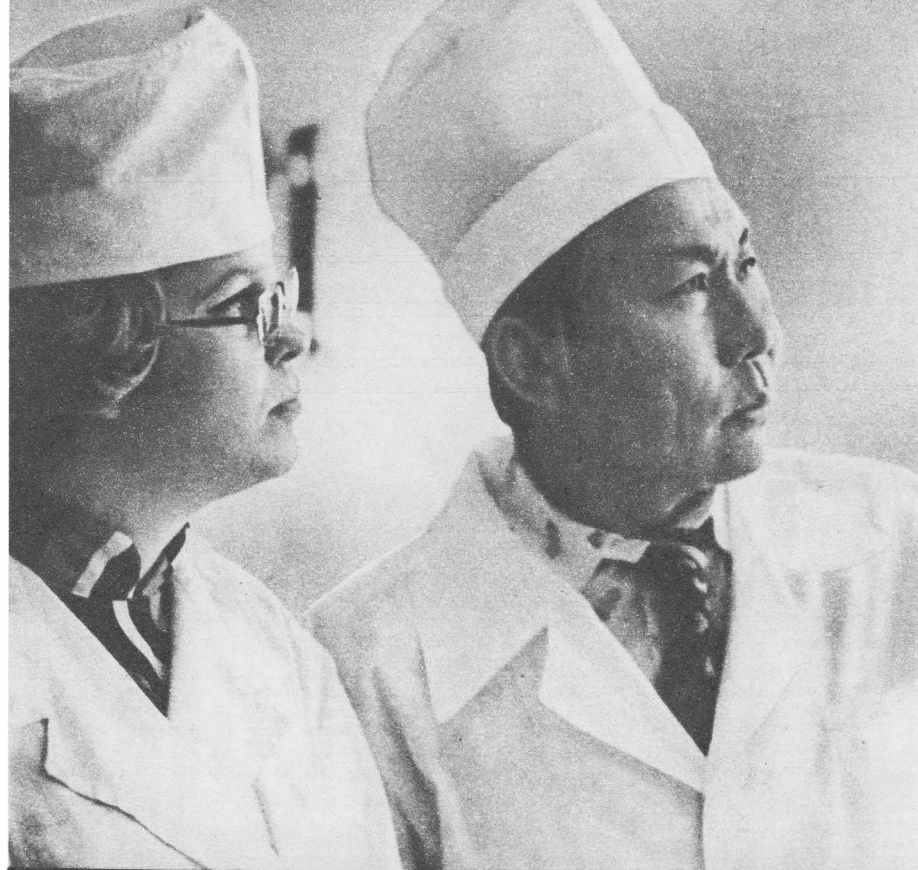
Мы гуляли по главной улице, любовались площадью Ленина, а затем направились к другим новым кварталам и вскоре вышли в степь, туда, где сейчас высятся, опоясанные строительными лесами, корпуса университета, а рядом с ними летит на бронзовом скакуне соратник Буденного, прославленный герой гражданской войны, земляк наш Ока Иванович Городовиков.

Вспоминаю, какое ошеломляющее впечатление произвело тогда на отца путешествие по строящемуся городу. Гляжу сейчас на его портрет, и так мне хочется крикнуть: «Эцке, посмотри, как вышла из котловины Элиста и как шагнула она с песней далеко-далеко в степь!»

Но смеялось степей раздолье,
Твердо верили мы в мечту.
И на ладони,
в буграх мозолей,
К солнцу подняли Элисту.

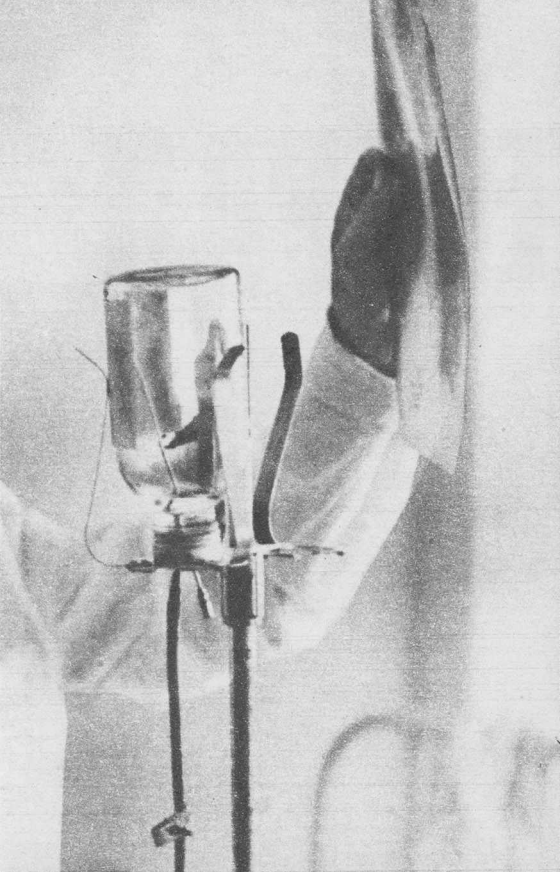
В тот памятный день отец, усадив нас, сыновей, на узорчатый белый ширдык-войлок, говорил, часто повторяя слово «хорошо»:

— Давно вы стали мужчинами. Хорошо. Не я, а Советская власть дала вам образование. Хорошо. На столе золотится у вас трудовой хлеб. Хорошо. Служите родине верой и правдой. Так положено мужчинам. Город хорош. С ним вместе будете расти, как в сказке. Стройте его, чтобы у нас, у калмыков, был свой большой-большой город. Мне положено, как и орлу, не покидать степь. Надо пасти отару. Без овец и лошадей какой колхоз будет греметь славой в новое время? Вам

На просторах
Калмыкии.

Заслуженный врач РСФСР, хирург Павел Сангаджиевич Баягаев и главный анестезиолог республиканской больницы Галина Адамовна Беляева.

Строитель Зоя Бадляева в лингафонном кабинете Калмыцкого государственного университета.

здесь жить и род свой продолжать. Хорошо!

Правильно, ничего не скажешь. И город и республика наши хороши тем, что хозяева-степняки выросли вместе с ними. При жизни отца почти каждый калмык, заполняя анкету, в графе «Специальность» писал: «животновод». Теперь пишут: «механизатор», «машинист тепловоза», «лесник», «нефтяник», «учитель», «строитель», «врач», «рисовод»... И все же главным лицом в степи остается животновод.

...Отец ушел в родную степь пешком, спешил к своей отаре. Сыновья проводили его до элистинской возвышенности, где сейчас проходит железнодорожная линия.

Прочен и надежен фундамент советской жизни, и заложен он крепкими руками наших отцов, тружеников первых пятилеток. Сейчас пятилетка десятая. Это наша пятилетка.

Твои земляки-приозерцы, отец, сказали сегодня на всю республику: выполним задание двух лет к юбилею Октября! Их призыв подхватили все районы. А степняки — люди надежные. Не только слова — клочка сена на ветер не бросят. Так у них повелось еще с первого дня коллективизации. Нынче они твердо решили: от каждой сотни овцематок — девятью — девятью телят сохранить до осени, то есть до отбивки. Это здорово! Они наверняка получат и больше. В другом обязательстве записано: с каждой овцы по шесть килограммов руна. Это значит, что одна овца оденет в шерстяные костюмы шесть человек! В нашем Приозерье овец более двухсот тысяч. Вот посчитайте, сколько народу сможет одеть мой район. В том хозяйстве, где трудился ты, отец, в тридцатом году была лишь одна тысяча овец, теперь их в сорок раз больше!

Первая пятилетка родила звонкое слово — «ударник»! Я, тогда еще школьник, в дни летних каникул участвовал в уборке сена в совхозе «Большой царынг», работал на конных граблях. Соревновались мы и со взрослыми. Не знали устали. Улыбнулось мне счастье — дал я двести процентов! За такие высокие показатели и был удостоен высокого звания. Билет ударника номер первый Калмыцкого обкома комсомола вручил мне прямо на поле тогдашний директор совхоза Сари Джубляевич Алексеев.

До чего же хмельна работа!
До чего же остра коса!...
Потемнели от злого пота
Парусиновые небеса...
Покраснела тугая кожа,
Сила в мускулах велика!...
На кибитки стога положи,
Замечательные стога!
...Мы о подвигах не шумели,
Нам другое велела страна:
В степь влюбленные

Мы ее пробуждали от сна.

Да, эцке, вы о подвигах не шумели. Работали молча, и, работая с вами, мы, молодежь, получили хороший заряд. Иначе не пробудили бы степь от векового сна...

...1939 год. Лиджи с монгольскими друзьями громил японских захватчиков на Халхин-Голе. Потом учился в Ленинградском краснотнаменном пехотном училище. В конце 1940 года он стал младшим лейтенантом и командовал минометным взводом. Войну встретил в Карелии. В ее каме-

нистой земле спит вечным сном сын калмыцких степей, брат мой Лиджи.

...Мы обещали тебе, отец, служить искусству. Но война нарушила наши планы, и мы, как все советские люди, встали на защиту Родины от фашизма. За Отчизну сражались все твои сыновья. Самый старший, Эрдни, член правления колхоза, пал, обороняя Сталинград, и вечно жив он будет в камне Мамаева кургана. На Ленинградском фронте воевал Санджи. Домой он вернулся живым-здоровым и ныне на заслуженном отдыхе.

...В 1936 году и я и Лиджи были вписаны в красочные афиши Калмыцкого драматического театра. А ныне в фойе этого театра имя Лиджи отчеканено золотыми буквами на мраморной плите рядом с именами других артистов-солдат, отдавших жизнь за свободу и независимость советской Родины.

Чести отца твои сыны, эцке, не посрамили.

Я сейчас живу в Элисте с моими детьми и внуками, я богат ими, как и мой отец. А тех двух ветряков, которые приветствовали его крыльями около Дивинского шоссе, уже нет. На их месте теперь стоят, проколов острьями небо, телевизионная и радиовышки, словно обозначая стальные ворота города.

Ну, а сам Цаган-Нур, каков он теперь? Того, который состоял из двух улиц: одна — мазанки, другая — кибитки, — уже не существует. Все тут новое. Через озеро сооружается большой мост. По нему пойдут колонны машин с народнохозяйственными грузами, и направятся они к большому району, будущему райцентру — Водники. В Водниках будет большая вода. Она напоит поля и луга. Люди наши говорят: «Строим земной рай! Такую возможность дал нам Великий Октябрь...»

С братом Санджи и с Айтой мы поднялись на белоголовый курган возле дороги. Он по-прежнему оставался безымянным, и вот мы нарекли его «Эцкин толга» — «Отцов курган». Там он и покоится, наш отец. Эцкин толга стал сегодня для нас больше и выше, чем был прежде. Отсюда снова оглядел я отцовскую степь.

Сердце стало чаще, слабее
биться, —
только ты мила мне и нужна.
Как ты молода и круглолица,
степь моя, любовь моя, жена!

И вновь пришли на память слова отца, произнесенные им на заре колхозной жизни:

— Здравствуй, наран-солнце, предвестник дня! Хорошо!

* * *

...Наша весенняя поездка закончилась. Айта апрельским утром пошел со своими сверстниками в школу по широкой улице Элисты. Его встретили одноклассники. Я смотрел им вслед во все глаза своей души. Вот так же и я ходил в школу в начале тридцатых годов, ходил через колхозную степь, ходил быстро, оставляя позади несколько километров, сотни холмиков и с десяток балок. Кажется, совсем недавно... И губы мои шепчут стихи:

Я для вас,
дорогие мальчишки,
память поднял свою на дыбы.
Я дарю вам «Ударника» —
книжку —
эстафету хорошей судьбы!

Элиста.

ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ

А. В. Лапшов в годы первой мировой войны.

На братской могиле в селе Ульянове, Калужской области, установлен памятник генералу. На мемориальной доске надпись: «Вечная память героически погибшему в боях за Родину гвардии генерал-майору, Герою Советского Союза Лапшову Афанасию Васильевичу».

Кто же такой А. В. Лапшов, чьим именем названы улица в Ульянове и населенный пункт в Пензенской области?

Боевое крещение А. Лапшов получил в годы первой мировой войны. За мужество и отвагу в боях против войск кайзеровской Германии ему присвоили звание младшего командира, он был награжден тремя георгиевскими крестами. В дни Февральской революции находился в окопах, а когда началась Октябрьская социалистическая революция, А. В. Лапшов принял в ней самое активное участие. В 292-м запасном полку его единодушно избрали членом полкового комитета. Он был помощником комиссара полка, членом ревкома в местечке Коростень.

Здесь в ночь на 25 ноября 1917 года А. Лапшов с группой революционно настроенных солдат захватил склад с оружием.

В начале гражданской войны полк был расформирован, и А. В. Лапшов вернулся в родную деревню Чемизовку. Здесь он вступил в ряды Коммунистической партии. Вскоре по партийной мобилизации бывший унтер-офицер был направлен на Восточный фронт.

Участвовал в боях в Якутии, громил белогвардейские банды на реке Тобол, в Иркутской губернии.

Наступили мирные дни. А. Лапшов становится слушателем Киевской объединенной школы среднего состава. После окончания курсов «Выстрел» его назначают командиром 109-го стрелкового полка.

Гвардии генерал-майор Герой Советского Союза А. В. Лапшов.

Фото М. САВИНА

Недавно в городе-герое Волгограде прошло выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, посвященное теме «XXV съезд КПСС и проблемы нравственности в современной российской литературе». Сегодня мы публикуем стихи участников заседания А. Смердова и Л. Сорокина, написанные в Волгограде.

**Александр
СМЕРДОВ**

**СТАЛИНГРАД,
МАЙ 1945**

1

Как клич предсмертный
тех, что здесь погребены,
как клятва
жизни, мира и добра —
на закопченном кирпиче
полуразваленной стены
белеют буквы известковые:
«ДА ЗДРА...»
Наверное,
«Да здравствуют:
Мать-Родина. И Партия. И Ленин».
Да будут буквы эти
на века сохранены
для всех времен и поколений.

2

Под взрываами, в огне
всесокрушающего урагана,
среди руин и пепла,
близ Мамаева кургана
каким-то чудом

корню удалось спастись,
все муки искалеченной земли изведав...
И вот березка,
робкие листочки распутив,
встает живым ростком
Весны и Мира, добытых Победой.

**ВОЛГОГРАД,
МАЙ 1977**

Я видел это
из открытого вагонного окна,
в предместьях Волгограда...

В рассветной дымке
пенилась, плыла весна
сплошным цветущим садом.

И уроженец, житель
дальних, не оттаявших еще сторон,
к тайге привычен боле,
чуть не до слез оваян был и упоен
степным, безбрежным,
малахитно-голубым, озимым полем.
И, право, право,
надо ль гостем званым стать,
завзятым быть поэтом,
чтобы, въезжая в эту благодать,
не опьяниться дополна
вишневым, яблоневым цветом?!

Мне довелось не здесь
свое отвоевать, как мог и не внаклад,—
в Прибалтике ненастной драться...

ПОЛЕ

Но кто ж не помнит из седых солдат
пылающей, окровавленной
твердыни Сталинградской?!

Да и врагу
от этой памяти разящей не уйти,
она его карает и поныне...

Тут и увидел я
на огородных грядах, близ пути,
воронье пугало,
распаленное на железной крестовине.

Мундир эсэсовской пошивки и окраски,
с костями, с черепом на рукаве,
и котелок измятой, ржавой каски,
пробитой пулей
на фашистской бесноватой голове.

Таков удел того,
кто мир душил, кромсал и сокрушал,
кто землю залил человеческой кровью...

А тут, видать, живет
все помнящая, не остывшая душа —
солдатская, израненная, или
не выплаканный и поныне — вдовья...

А впереди, на круче
волжской, виделось уже иное,
в небесной утренней лазури, в высоке,—
обороняя все живущее, земное,
стояла, как живая, Мать-Отчизна,
с поднятым праведным мечом в руке.

Новосибирск.

Когда в Испании фалангисты Франко с помощью немецких и итальянских фашистов развязали кровопролитные бои против республиканцев, А. В. Лапшов сражался в 12-й интернациональной бригаде.

Там Афанасия Васильевича знали как подполковника Атанасова. Мужественно и храбро сражался с фашизмом Атанасов под Балагиром, в горах и долинах Каталонии, на берегу горной реки Эбро. Здесь он быстро освоил испанский язык, подружился с интернационалистами разных стран.

По возвращении на Родину А. В. Лапшов командовал стрелковым полком, который дислоцировался в Одесском военном округе. Здесь его застала Великая Отечественная война. 109-й Чонгарский стрелковый полк одним из первых принял удар фашистских войск и несколько суток сдерживал натиск врага западнее города Бельцы, вел тяжелые непрерывные бои на Южном фронте против превосходящих сил противника. За отвагу и мужество в марте 1942 года А. В. Лапшов был удостоен звания Героя Советского Союза, а 109-й Чонгарский стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени.

Вскоре командование переводит полковника А. В. Лапшова под Ленинград и назначает командиром стрелковой дивизии, которая громила немецкие полчища на подступах к Ленинграду, под Старой Руссой. В ходе ожесточенных боев советские воины освобождают Большую и Малую Вишеру, Гряды, Дубцы на новгородской земле. Особенно отличились бойцы стрелковой дивизии в боях с фашистами у Мясного Бора. Здесь дивизионный комиссар И. В. Зуев вручал лапшовцам правительственные награды. На их счету было более восьми тысяч уничтоженных вражеских солдат и офицеров, 60 захваченных орудий разного калибра, 25 подбитых самолетов и 12 танков.

На Волховском фронте А. В. Лапшов получил звание генерал-майора. Закончил академические курсы генерального штаба. Затем на Орловско-Курской дуге принял под свое командование 16-й гвардейский стрелковый корпус. 13 июля 1943 года при освобождении районного центра, села Ульянова, бойцы корпуса проявили мужество и отвагу. Командир — гвардии генерал-майор Герой Советского Союза А. В. Лапшов пал смертью храбрых.

В Ульянове у подножия памятника герою не увядают цветы. Это благодарные потомки отдают дань любви и уважения преданному сыну нашей Родины, коммунисту, гвардии генерал-майору А. В. Лапшову.

В. БЕРДНИКОВ,
бригадир колхоза «Родина»

Пензенская обл.,
с. Старый Чирчим.

ТРИЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Мне хочется рассказать читателям «Огонька» о героической «биографии» парохода «Тбилиси».

В сентябре 1942 года пароход этот при подходе к Скандинавии подвергся жестокому обстрелу фашистской авиации. Десять воздушных атак врага отразили моряки. Геройски сражались командир носового зенитного орудия Кречетов, сержант Деменко, матрос Тузов и другие члены экипажа. Когда был ранен и выбыл из строя капитан Сорока, его заменил второй штурман — Нежвой. Благодаря его умелому руководству судно с драгоценным военным грузом благополучно прибыло в порт назначения.

После этого трудного рейса еще много ответственных заданий выполнил экипаж судна «Тбилиси». 6 сентября 1943 года при переходе из Дудинки на Диксон, в Карском море, пароход наскочил на вражескую мину и затонул. А когда весной 1944 года в Америке спустили на воду новый сухогрузный пароход для СССР, ему присвоили прославленное имя «Тбилиси». Капитаном этого судна назначили В. К. Субботина. Судно вошло в состав Северного пароходства. И снова в его трюмах — военные грузы, которые надо было доставить через Атлантику в Мурманск и Архангельск.

Однажды ночью на выходе из Кольского залива при крепком норд-весте начало штормить. Опытный лоцман осторожно вел судно. И тут вдруг раздался взрыв: немецкая подводная лодка торпедировала «Тбилиси». На палубе возник пожар. Носовая часть стала быстро погру-

жаться. С большим риском спустили одну шлюпку, посадили в нее часть команды. Но волна ее подкинула и вдребезги разбила о борт «Тбилиси». Все находившиеся в шлюпке моряки погибли.

Наконец, когда чуть стихло и один из кораблей охранения, виртуозно маневрируя, подошел к борту «Тбилиси», люди смогли перейти на корабль. Последним, как и положено, по штурмтрапу спускался капитан В. К. Субботин. Но тут «Тбилиси» наклонился, ветром рвануло трап, и капитан сорвался в море... Незатонувшая половина корабля оказалась достаточно прочной, выдержала шторм до конца. Течением ее поднесло к острову Кильдин и выбросило на мель. Когда успокоилась погода, эту часть «Тбилиси» отбуксировали в порт для выгрузки трюмов.

Уже после войны где-то нашли носовую половину парохода такого же типа, и мастера архангельского судоремонтного завода «Красная кузница» срастили их. Вышел отличный пароход «Тбилиси». Им стал командовать бывший капитан легендарного ледокольного парохода «Сибиряков» А. Качарава. «Тбилиси» еще долго плавал в Арктике. Перевез тысячи тонн народнохозяйственных грузов. Закончил ветеран свою долгую жизнь на Азове.

С. БЫКОДОРОВ,
внештатный сотрудник
Музея Морского флота СССР,
бывший моряк

Ейск.

Пароход «Тбилиси».

СОЛДАТСКОЕ

Лев
СОРОКИН

НАДПИСИ

Там, где над Мамаевым курганом
Мать-Отчизна высится с мечом,
Я столкнулся с шустрым мальчуганом,
Что по камню вел карандашом.

Девочки из города Ростова,
Парни из сибирских городов
Тут же, на виду у часового,
Пьедестал покрыли
Вязью слов...

Так мне стало горько и обидно,
И своим не верил я глазам,
И хотелось крикнуть:

«Как не стыдно!» —
И ударить с ходу по рукам!
Только зря, не разобравшись,
судим!

Прочитал, что пишут,—
В горле ком:
«Никогда героев не забудем!»
«Никогда солдат не подведем!»
«Вам за детство мирное спасибо!»

И теперь я думал об одном,
Чтобы на огромной светлой глыбе
Этих слов не смыло бы дождем!

Все, что здесь писали молодые,
Я бы яркой краской обновил!
Вы меня поймите, но впервые
Я ребят за надписи простил!

«Не забудем!» — кто-то пишет снова.

Все простить за это я готов
Девушкам из города Ростова,
Мальчикам сибирских городов!

СОЛДАТСКОЕ ПОЛЕ

Поле, что засеивалось войною,
Тридцать лет распахать не могли,

Под нависшей густой тишиною
Взрывы мин еще не проросли!

Обходили его стороною.
Горевали над гиблой землей.

...Над упрятанной в землю войною
Наклонился минер молодой.
Так обидно, обидно погибнуть,
В мирный день помогая селу!
Может, сделали ржавую мину
Материнские руки в тылу?

Только надо над смертью нагнуться,
Отвинтить от запала войну,
А потом с головой окунуться
И зарыться в степную весну!

Ах, Солдатское поле!
Пожалуй,
Не придумать названья точней.
...Рядом девочка — с яблоком алым,
Мирно светится небо над ней.

И пришла золотисто пшеница
На Солдатское поле сейчас,
Чтобы в пояс не раз поклониться
Тем, кто землю для радости спас!

Нет, наверно, счастливее доли
Для живущих сегодня людей,

Чем всю Землю
в спасенное поле
Превратить нам при жизни
своей!

ПОЕЗДКА В СОВХОЗЫ «ПРОЛЕТАРИЙ» И «КОММУНИСТ»

В слове «Волга»
Мне слышится — Воля!
И в приволжских
Привольных степях
Я в дороге
Пшеничным раздольем
И ковыльным простором
пропах!
Здесь, не помня об облачных ставнях,
Солнце плавится в вышине!
У степи
от работ непрестанных —
Проступившая соль на спине...

И понятнее стала работа
Прокаленных жарою людей,
Где порою лишь капельки пота
Заменяют потоки дождей.
Где порою гудит неустанно
Среди пыльных полей суховой.
Но земля отвечает сверх плана
Тем, кто сердцем прописан на ней.

Пусть сельчане не очень речисты,
Но дела-то их ярче речей.
«Пролетарий» идет с «Коммунистом»
По раздолью приволжских степей.
Свердловск.

ГЛАВНЫЙ ИТОГ

Три вопроса почетному председателю Сибирского отделения Академии наук СССР Герою Социалистического Труда академику М. А. ЛАВРЕНТЬЕВУ.

— Михаил Алексеевич, вы были инициатором создания на берегу Обского моря сибирского центра науки. Скажите, пожалуйста, каков главный итог работы за двадцать лет?

— Создание целой армии ученых-исследователей, способных на самом высоком уровне решать современные научные и технические проблемы, проблемы освоения Сибири. Знаете, что мы сделали в первую очередь? В еще не достроенном здании самого первого института Академгородка — Института гидродинамики, где и отопления-то еще не было, открыли курсы для молодых строителей, чтобы готовить их к поступлению в Новосибирский университет. А ведь сам университет только начинал строиться. Курсы оказались чрезвычайно полезными и для тех, кого учили, и для тех, кто учил. Вопрос о привлечении ученых-исследователей к подготовке и отбору талантливой молодежи и теперь остается первоочередным. Молодежь надо учить на базе современных, новейших научных направлений и проблем, а не на базе учебников тридцатилетней давности.

В первый же год к нам хлынули молодые специалисты, окончившие университеты и физтехи в крупных городах. Нет, я не хочу сказать, что в Москве, Ленинграде или Киеве они не смогли бы найти дело по душе. Но здесь (это я могу утверждать), столкнувшись с задачами, которые ставила Сибирь, каждый мог быстрее и шире выявить свои творческие возможности. Однако основной упор был сделан на подготовку местных кадров, собственных, сибирских платонов и неонов. Зайдите сейчас в любой институт, и вы их найдете.

— Много исследований сибирских ученых получило высокое признание страны — Ленинские и Государственные премии, премии Ленинского комсомола, много сделано открытий и изобретений. Какие работы представляются вам наиболее важными?

— Затруднительно распределить по значению научные достижения, полученные за двадцать лет, и к тому же быть лаконичным. Но я все же постараюсь.

Созданная лауреатом Ленинской премии академиком Мальцевым математическая школа получила мировое признание. Большую роль в развитии прикладной математики сыграл Вычислительный центр, где под руководством академика Гурья Марчука разработаны новые методы в использовании вычислительной техники для очень важных научных и промышленных задач, в том числе управления производством и поиска полезных ископаемых.

Глубокие работы по прогнозированию и закономерности полезных ископаемых сделаны Институтом геологии и геофизики — крупнейшим институтом страны в этой области.

Больших успехов добились генетики под руководством академика Дмитрия Беляева. Фундаментальные и практические проблемы у них развиваются удивительно гармонично. И, конечно, нельзя не упомянуть об исследованиях Института гидродинамики по теории и практике взрыва. Группа молодых сотрудников этого института одной из первых в Сибирском отделении получила Ленинскую премию. Что же касается практического выхода этих работ, то наибольшее удовлетворение я получил, когда удалось спасти Алма-Ату от страшной катастрофы. Надвигающийся сель мог уничтожить треть города, унести много человеческих жизней. Разработанные нами взрывные методы помогают бороться с этим страшным бедствием горных районов. Алма-Ату защитила плотина, созданная по новому принципу.

— Михаил Алексеевич, вы являетесь действительным членом десяти академий мира, в том числе Академии наук Франции. В этом году в Париже готовятся провести симпозиум о роли Сибири, ее богатств и науки для прошлого, настоящего и будущего человечества. Как вы расцениваете тему симпозиума?

— Как огромное международное признание развития научно-промышленного потенциала Сибири, в том числе и заслуг наших ученых перед мировой наукой.

Помню, приезжал к нам французский публицист Пьер Рондьер. Он написал тогда, что Сибирь «уже сегодня давит весом производимой ею стали и угля на судьбу мира. А через тридцать, через сорок лет, к началу XXI столетия, в результате огромного труда она может возглавить таблицу мировых производителей. Сказочная и необъятная, она уже существует. И тот, кто ничего не знает о ней, не знает будущего нашей планеты».

Верные слова.

«В соответствии с потребностями общества государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни».

Из проекта новой Конституции СССР

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Ю. ЛУШИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

В ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЕ

Все началось с маленького одностанного домика. Он стоит возле реки Зырянки, в Золотой долине, на крутом склоне у самого леса, светлого и оглушающе тихого. Еще недавно здесь жил академик Лаврентьев. Он заходит сюда и теперь, но живет в другом доме, неподалеку. А в этом, самом старом здании Академгородка теперь музей...

В 1957 году появились на берегу Обского моря первые палатки, временные бараки. В тот год возле реки Зырянки и поселился академик Михаил Алексеевич Лаврентьев.

В Академии наук СССР не было тогда учреждения, подобного Сибирскому отделению. Впервые предстояло создать целый комплекс научных институтов, связанных не той или иной научной специальностью, а единой территорией, которую они осваивают и изучают, откуда черпают новые кадры специалистов. Это был новый этап претворения в жизнь идей В. И. Ленина, принципов социалистического хозяйства нашей страны, дальнейшего приближение науки и промышленности к источникам сырья, создание на местах высококвалифицированных кадров ученых.

Вопрос о сроках переезда в Сибирь из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других крупных городов, где хорошо развита наука, ученые решали сами. Многие не стали ждать, пока для них построят город со всеми удобствами. Они поехали немедленно. Нет, они не были любителями шалашей или сухоямки. Но для общего дела, для их науки было лучше ехать, чем ждать.

В распоряжении ученых были лес, ручей, тесный щитовой барак. Но регулярно дважды в неделю в барак, а если тепло, то и под открытым небом, собирались семинары, обсуждались научные и технические проблемы, создавались новые приборы. Так сконструировали, например, кольцевой лоток для изучения струйных течений. Взрывники на импровизированном полигоне испытывали, как в будущем взрыв может пригодиться в народном хозяйстве.

То, что в неуютные места ехала молодежь, никого не удивляло. Но это был редкий случай, когда пожилые профессора, члены-корреспонденты и даже академики оставили обжитые места, сплошь и рядом даже созданные ими институты и тоже отправились на «пустое» место. Тем не менее из песни слова не выкинешь. Ехали маститые ученые, такие, как академики М. А. Лаврентьев, А. И. Мальцев, С. А. Христианович, И. Н. Векуа, С. Л. Соболев, Г. К. Боресков, А. А. Трофимук, В. С. Соболев... Ехали и везли с собой самых своих лучших, самых талантливых учеников.

И вот встали корпуса Новосибирского университета, научных институтов и опытно-конструкторских бюро. В этом и был смысл жизни города ученых на берегу Обского моря.

ЮБИЛЯР

Все это невольно вспоминается в праздничном зале Дома ученых. Чествуют одного из основателей Сибирского отделения, директора Института катализа академика Ге-

оргия Константиновича Борескова. Ему исполнилось семьдесят лет.

«Мысль об организации самостоятельного, тогда первого в стране Института катализа я вынашивал давно, — рассказывал мне Георгий Константинович. — А к пятидесятым годам необходимость создания такого института стала особенно острой. Наша наука и промышленность настойчиво требовали глубокого изучения одного из самых таинственных и романтических процессов в химии. Ведь именно катализаторы позволяют несказанно увеличить скорость реакции, направить ее по нужному исследователю руслу, регулировать строение получаемого вещества, его состав, структуру. Поэтому так важно развивать теорию катализа, предвидеть, предсказывать те превращения, что происходят в недрах химической реакции, создать научные основы приготовления катализаторов. И вдруг мне предлагают в центре Сибири создать такой институт, реализовать многолетнюю мечту! Естественно, вопроса, ехать сюда или нет, для меня не было».

Теплые слова о Борескове говорит председатель Сибирского отделения академик Гурий Иванович Марчук, коллеги и ученики ученого. Глава школы казахских химиков академик Д. В. Соколовский, товарищ юбиляра по студенческим годам, торжественно, словно академическую мантию, накидывает на его плечи национальный казахский халат и протягивает, «учитывая перемены сибирской погоды», как объясняет шутя, лисью шапку и тюбетейку.

Ученого поздравляют инженеры-конструкторы и химики с крупнейших предприятий страны. Еще в тридцатые годы на разработанной Боресковым катализатор перешли все заводы по контактному производству серной кислоты — основы химической промышленности. А сейчас только за двадцать лет работы института создано шестьдесят катализаторов и их модификаций; три четверти уже внедрено. Работают над созданием синтетических волокон, полимерных материалов, удобрений. И не случайно самым ценным подарком в свой день рождения Георгий Константинович Боресков считает начало строительства в Сибири двух крупнейших нефтехимических комплексов — в Тобольске и Томске.

Виновника торжества уже почти не видно из-за букетов роз. Не уместаясь на столе, они перекочевали на пол и на ступеньки сцены.

Рядом со мной хорошенькая белокурая женщина — профессор Паула Путанов из Югославии — тоже держит цветы. Уже пригласил приветственный адрес ученый из Любляны доктор Држай Боян. Болгарского профессора

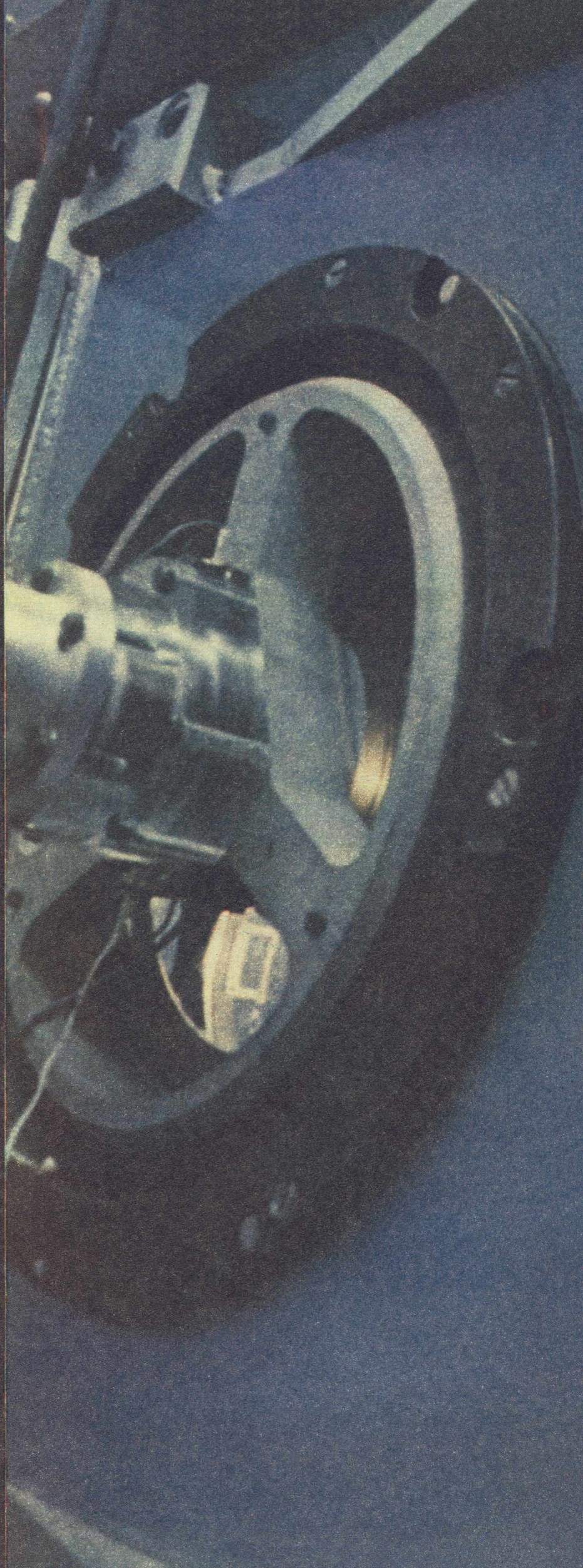
Новосибирский Академгородок. * В доме ученых. * Член-корреспондент АН СССР Ю. Л. Ершов [в центре] и кандидат физико-математических наук С. Гончаров проводят семинар с пятикурсниками.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

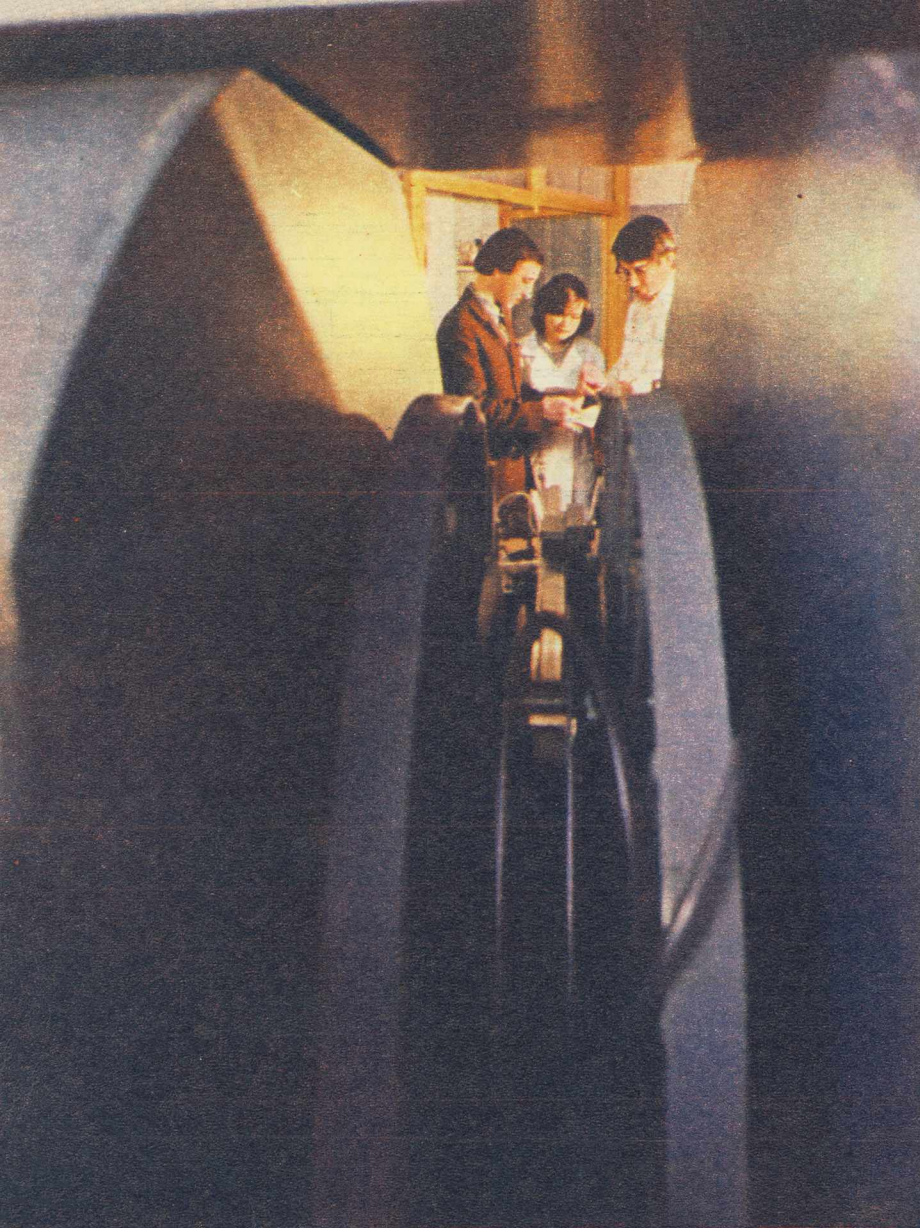
Такого цвета шубку норка получила с помощью ученых. * Институт теоретической и прикладной механики. Подготовку опыта в аэродинамической трубе ведут старший инженер Н. М. Бычков и старший научный сотрудник В. М. Коваленко.

НА БЕРЕГУ ОБСКОГО МОРЯ

ЗАРЯД ЭНТУЗИАЗМА

Три вопроса вице-президенту Академии наук СССР, председателю Сибирского отделения, Герою Социалистического Труда академику Г. И. МАРЧУКУ.

— В дни юбилеев особенно хочется заглянуть в будущее. Какие основные задачи стоят сейчас перед сибирскими учеными?

— Мы стремимся сосредоточить главные усилия на тех направлениях науки, где больше всего можно ожидать открытий, которые дадут новые перспективы для управления процессами в природе и обществе. Бурное развитие новых наук, процессы, проходящие на стыках в прошлом независимых научных направлений, ждут методологического обобщения и анализа с учетом требований научно-технического прогресса и формирования человека.

Партия и правительство ставят перед нами задачи более интенсивного использования минерально-энергетических ресурсов Сибири и в то же время неослабного внимания к охране ее природы. Эти задачи требуют широкого комплексного подхода.

Опыт комплексного решения больших проблем у нас есть. Над проектом водоохранной зоны Байкала работало, например, восемнадцать институтов. На Байкало-Амурскую магистраль сегодня трудятся ученые двадцати институтов Сибирского отделения.

Сейчас для рационального, интенсивного, экономически обоснованного использования ресурсов Западной и Восточной Сибири, включая Норильский горно-обогатительный комбинат и Канско-Ачинский угольный бассейн, нами разработан ряд важных региональных программ.

— Гурий Иванович, несколько лет назад вы рассказывали в журнале «Огонек» о начале работы вашего Вычислительного центра над созданием автоматизированной системы управления Барнаульским радиозаводом и о Новосибирском АИСТе — автоматической информационной станции. Оправдал ли себя «барнаульский эксперимент»? Какова судьба АИСТа?

— Обе эти работы закончены и себя оправдали. Теперь уже сто пятьдесят организаций используют барнаульскую систему управления производством. А сейчас отрабатывается на ее базе новая типовая АСУ «Сигма» для машин третьего поколения. Речь идет о системе управления промышленным предприятием, неразрывно связанной с научно-техническим прогрессом страны. И самым главным в этой системе, пожалуй, является то, что она должна обеспечить оптимальное управление предприятием и его отдельными подразделениями. Машина создает возможность уйти от волевых решений,

при которых единственным мерилom остается интуиция руководителя, и многие проблемы управления предприятиями ставят на основу объективных решений, отыскиваемых целенаправленным перебором вариантов.

Что же касается АИСТов — автоматических информационных станций, то они были первым этапом осуществления идеи коллективного использования вычислительных машин. Несколько ЭВМ мы объединили в единый комплекс, снабженный каналами связи. В результате получилась система вычислительных машин, одновременно обслуживающая несколько абонентов. На АИСТах были отработаны принципы создания математического обеспечения и получена важная для дальнейших проектов статистика.

Сейчас мы переходим к более широкой проблеме — созданию вычислительных центров коллективного пользования. Это очень важно: ведь трудно найти научный институт или производственное предприятие, не нуждающееся в услугах ЭВМ.

— Последний вопрос. Вы приехали в Сибирь пятнадцать лет назад. И хотя тогда вы были уже известным сложившимся ученым, но по возрасту молодым человеком. Что вам лично дала работа в Сибири? Как повлияла она на развитие ваших научных и гражданских интересов?

— Отвечать на такие личные вопросы всегда трудно. Для меня большое счастье и высокая честь здесь работать. Мы все учились у наших замечательных ученых старшего поколения, приехавших в Сибирь вместе с академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым создавать научный центр.

В Сибири я встретился с грандиозностью проблем, которые просто не могут оставить равнодушным ни одного ученого. Всем известно, что в нашем регионе, учитывая его просторы и богатства, щедрость и суровость, труд человека особенно ценен. На клady сибирской земли надо вести наступление не числом, а умением, постоянно думать о качественных факторах. Возьмите, например, добычу нефти и алмазов или создание техники для северных условий. Прибавьте острую необходимость автоматизации производства, применения ЭВМ. Речь идет не об отдельных усовершенствованиях или изменениях, нет, — о совсем новых научных и технических средствах и системах, способных взять на свои плечи ношу, которая не под силу существующим методам и машинам.

Сибирь заставляет искать и применять принципиально новые решения. Все мы живем здесь с этим зарядом энтузиазма и творчества, который получен нами в Сибирском отделении.

интервью «Огонька»

Шопова сменяет на трибуне поляк доктор Хабер.

При Новосибирском институте катализа образован координационный центр, объединяющий сорок научных учреждений мира. «Это правильная идея, — рассказывал, объясняя мне работу центра по проблемам катализа, академик Боресков. — Сейчас уже создан банк катализаторов, и каждая страна может запросить любой образец».

— Я думаю, что причина быстрого поиска академиком Боресковым новых катализаторов заключается в том, что им утерян катализатор старости, — приветствует юбиляра гость из Японии, крупный химик Тамару Кензи, под одобрительный смех в зале.

Георгий Константинович происходит из семьи военных. Его дед — ученый-электротехник, специалист минного дела, во время русско-турецкой войны при помощи минных заграждений запер на Дунае турецкий флот, обеспечил переправу русских войск; отец командовал авиационной ротой во время первой мировой вой-

ны. Кто-то из давних друзей юбиляра очень точно заметил, что дед и отец ученого защищали мечом честь своего отечества, а он защищает эту честь самым острым, но и самым мирным оружием — наукой.

ОБ АЛМАЗАХ И НОВОСИБИРСКОЙ ПШЕНИЦЕ

Нигде так не чувствуешь огромность и таинственность мира, как в лабораториях геологов. Даже «пылинки дальних стран» порой достаточно, чтобы заработало воображение, а уж когда видишь настоящий грунт с Луны или камешек из Марианской впадины, то особенно остро ощущаешь отзвук и величие этой науки.

Осторожно беру в руки зеленоватый кусочек породы.

— Его добыли с девятикилометровой глубины, со дна Марианской впадины. И порода эта еще неизвестна ученым. Судя по всему, она вулканического происхождения, — объясняет мне доктор геолого-минералогических наук Николай Владимирович Соболев.

— Мы получили недавно целое богатство — почти сто миллиграммов лунного грунта, — продолжает он. — Современная аппаратура дает возможность досконально исследовать этот экзотический материал, который поможет изучить не только недра нашей небесной соседки, но и глубже понять геологическую историю Земли. И знаете, что интересно? На Земле, именно в кимберлитовых трубках, впервые были установлены некоторые особенности состава породы, свойственные только лунным минералам. В минеральных реакциях на Луне не участвовал свободный кислород. То же самое характерно для глубин Земли — более ста пятидесяти километров, — где кристаллизуются алмазы.

Параллельное изучение минералов с Луны и из глубин Земли —

одна из черточек фантастичности современной геологии. Той же фантастичностью отличается многолетнее фундаментальное исследование, за которое недавно группа новосибирских геологов получила Ленинскую премию. Работой руководит заместитель директора Института геологии и геофизики академик Владимир Степанович Соболев. Он принадлежит к той славной когорте ученых, что были инициаторами организации Сибирского отделения, а его сын Николай Соболев и их соавторы по работе — Николай Добрецов, Владимир Ревердатто и Владимир Хлестов — и тем молодым специалистам, что в годы создания этого центра заканчивали свои университеты и институты и требовали послать их на работу именно в Сибирь.

С Владимиром Степановичем мне встретиться не удалось: он был в командировке. Даже со своими сыновьями (у него четыре сына, и трое из них геологи) он видится нечасто. Много разных дорог у геологов.

Работа, заслужившая столь высокого признание, позволяет увидеть Землю, с одной стороны, как бы в разрезе, заглянуть в мастерскую Плутона, где под влиянием огромных температур и давлений создавались различные породы, в том числе и полезные ископаемые, а с другой — охватить взглядом огромные пространства, увидеть Землю вширь. Ученым удалось установить, при каких давлениях и температурах образовались те или иные минералы и породы, соотносить эти данные с возрастом Земли и, выразив в цифрах, составить своего рода диагностическую решетку — специальные таблицы и карты.

Больше пятнадцати лет отдали ученые исследованию. Якутия, Запоярье. Средняя Азия, Алтай, Урал, Саяны, Камчатка — далеко не полный перечень районов, где побывали экспедиции. Собранные образцы тщательно исследовали в лабораториях, чтобы определить их состав, критические параметры давлений и температур, при

которых образовалась та или иная группа минералов.

Вслед за картой Советского Союза появились подобные карты Европы и Азии. По ним можно проследить основные закономерности образования кристаллических пород, а значит, сделать целенаправленный поиск многих полезных ископаемых.

Еще один сын академика В. С. Соболева, Евгений, руководит лабораторией Института неорганической химии здесь же, в Академгородке, изучает алмазы с точки зрения их физического строения...

Это лишь один пример того, как фундаментальные исследования дают богатые практические выходы. А их можно найти в любом институте новосибирского Академгородка.

Перехожу дорогу и из Института геологии и геофизики попадаю в Институт цитологии и генетики. Вчера я была на вероферме этого института. Работники ее с гордостью показывают норку восемнадцатилетнего расцветот, от бархатно-черных до белоснежных, и пушистых красавиц лисиц. Это экспериментальное хозяйство для проведения научных исследований лабораторий эволюционной генетики животных. Его заведует директор института академик Д. К. Беляев.

Норки — довольно удобный объект для исследований. Изменение их генетических свойств ярко отражается на внешнем виде, окраске. А без глубокого понимания законов генетики нельзя целенаправленно менять эти свойства, создавать столь большое разнообразие цветов и выводить таких редкостных зверей, как, например, жемчужная норка. Разработанная лабораторией специальная система скрещивания при создании серо-голубых норок удостоена медалей ВДНХ.

На клетке каждой лисицы кличка ее и родителей.

— Можете ее погладить, не бойтесь, — говорит кандидат биологических наук Анатолий Рувицкий, вот уже восьмой год работающий в лаборатории академика Беляева.

Группа спектроскопии ядерного магнитного резонанса Института органической химии. * Председатель Сибирского отделения АН СССР академик Г. И. Марчук. * Заместитель директора Института ядерной физики академик А. Н. Скринский. * В музее Института геологии и геофизики.

Я не раз бывала на зверофермах и знаю, что лиса, несмотря на свою красоту, — хищный зверь и гладить ее не рекомендуется: не долго и без пальцев остаться. Анатолий Рувинский гладит лису по пушистой шерсти. Она прижимает уши и виляет хвостом. Прямо друг человека, а не лесная хищница. Исследования в лаборатории так в шутку и называют — «особачивание лисиц». Впрочем, в других клетках лисы ведут себя, как им полагается по их лисьему нраву.

Мы изучаем процессы, происходящие при одомашнивании животных. Это помогает глубже понять некоторые особенности эволюции животных и реконструировать процесс приручения, — объясняет Рувинский. — В результате отбора по поведению происходит интенсивное изменение многих свойств у лисиц, закрепление их по наследству. Например, у некоторых наших лисиц ломаются сроки нормального процесса размножения: от них можно ожидать потомства два раза в году. Этого, как вы знаете, нет в природе. Подобные работы могут в будущем принести практическую пользу.

В лабораториях Института цитологии и генетики много принципиально новых теоретических исследований, но сейчас меня интересует работа, особенно популярная в колхозах и совхозах Сибири, — создание нового сорта пшеницы — «Новосибирская-67». Ровно 10 лет назад этот сорт предстал перед государственной комиссией по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур.

Иван Васильевич Черный, с которым я беседуя, приехал сюда в 57-м. И тогда же началась работа по созданию новосибирской пшеницы. Иван Васильевич, выпускник Тимирязевки, по происхождению, если можно так сказать, хлебороб, крестьянский сын и внук, а по творческому складу ума — исследователь.

С развитием генетики в биологической науке стали разрабатываться новые методы селекции. Экспериментальный мутагенез — один из этих новых методов. Так называется лаборатория, в которой работает старший научный сотрудник кандидат биологических наук И. В. Черный. А в то время лабораторией руководил доктор биологических наук П. К. Шварников.

Конечно, не наше дело создавать новые сорта, мы работаем над более широкими общими задачами — разрабатываем новые методы селекции, но уж так получилось, — словно извиняясь, говорит Черный. — Новый сорт создан в творческом содружестве ученых нашего института и Сибирского отделения ВАСХНИЛ.

Известно, что высокие температуры, химические препараты и различные облучения влияют на хромосомы клеток, вызывая наследственные изменения в свойствах растений. Эти изменения в достаточно большом количестве случаев передаются по наследству.

Годами отбирали ученые высокоурожайные растения, стойкие к полеганию, приспособленные к сибирскому климату.

И вот в институтском журнале под номером 1656 появился мутант, который с каждым годом все более приковывал к себе внимание ученых. Его получили из «Новосибирской-7», сорта, созданного в свое время Новосибирской сельскохозяйственной селекционной станцией. Мутант прошел и предварительные, и конкурсные, и государственные испытания. А два года назад новый сорт был районирован в Тюменской, Курганской, Омской областях, в Алтайском и Красноярском краях. К 1978 году предполагается занять этой культурой более миллиона гектаров, и тогда ежегодно можно будет получать дополнительно по шесть миллионов центнеров зерна.

«Новосибирская-67» особо чувствительна к хорошему уходу и сразу реагирует на удобрения, давая двойную прибавку. Новый сорт рассчитан на высокий уровень развития сельского хозяйства. Он как бы подтягивает само производство на более высокую ступень сельскохозяйственной культуры. Очень современный сорт.

ОСНОВНОЕ БОГАТСТВО

— Я родился в Новосибирском университете, — оговорился Сергей Гончаров. Мы оба смеемся,

и он исправляет оговорку: — Я родился в Новосибирске, в шестьдесят восьмом поступил в Новосибирский университет, с семьдесят третьего работаю в Институте математики, в семьдесят четвертом защитил кандидатскую, в семьдесят шестом получил премию Ленинского комсомола за исследование некоторых свойств конструктивных моделей. Вот, собственно, и вся моя биография. Да, вот еще: веду занятия в университете.

Биография Сергея Гончарова в столь лаконичном его рассказе заняла всего несколько строчек, но какая наполненная, счастливая судьба ученого стоит за ними! Вот оно, главное богатство Академгородка, его слава и гордость! И оговорка Сергея Гончарова весьма знаменательна. Много молодых и уже не очень молодых ученых с мировыми именами именно «родились» в Новосибирском университете, осознали свое призвание. Вместе с необходимой суммой знаний они получили от своих учителей главное — творческий заряд, умение мыслить широко и смело. Недаром лет пятнадцать назад то ли в университете, то ли в физико-математической школе я видела несколько необычный лозунг: «Ученик — не сосуд, который следует наполнить, а факел, который необходимо зажечь».

Примерно в то время я познакомилась здесь с семнадцатилетним паренком из алтайского села Каявушка Володей Балакиным. Выдержав конкурс на общесибирской олимпиаде, он приехал в летнюю физико-математическую школу. Помню, он рассказывал мне тогда, что приглашение было подписано академиком Будкером. Штамп Сибирского отделения на конверте и подпись так потрясли Володю, что он, не в силах скрыть переполняющую радость, выскочил на тихую деревенскую улицу с победным криком: «Академик, ура!»

Конечно, не думал тогда Балакин, что он будет работать в Институте ядерной физики, который возглавляет академик А. М. Будкер, блестяще защитит диссертацию, в 1972 году получит премию Ленинского комсомола. Балакин тоже «родился» в Новосибирском университете.

Не менее показательна судьба и другого сотрудника того же Института ядерной физики, вернее, теперь уже заместителя директора института, лауреата Ленинской премии академика Александра Скринского.

В Новосибирск Саша Скринский приехал студентом-практикантом. Суть научной идеи, над воплощением которой работал в то время коллектив института, коротко и приблизительно можно изложить примерно так.

Во всех существующих ускорителях разогнанная до колоссальной скорости частица, подобно снаряду, бьет в неподвижную мишень — другую частицу. А что, если и мишень не будет стоять неподвижно, а станет двигаться навстречу снаряду с такой же, как у него, скоростью? Тогда, естественно, сила их взаимодействия увеличится. Идея открывала новый путь развития ускорительной техники, новые возможности для познания тайн материи. Мало того, новосибирские физики начали строить прибор, где бы сталкивались частицы с противо-

положными знаками заряда — электроны и позитроны, по существу, антиматерию.

Я видела, как работал тогда институт. Сидели до ночи и ночами. Искали и находили новые решения. Принципиально новые. А если кто-либо предлагал уже известное, на него с гневом обрушивались: «Не говори банальностей!»

Даже когда ученых преследовали неудачи, когда все сидели злые и, что уж совсем невероятно, даже переставали острить, Александр Скринский незаметно направлял других, явно ничего ни от кого не требовал и, казалось, передавал всем свою спокойную уверенность. Он ходил по институту худенький, синеглазый, обаятельно вежливый, очень молодой, но к словам этого паренька, даже не имевшего тогда ученой степени, все прислушивались.

И вот этот начисто лишенный начальнических задатков человек совершенно незаметно для себя и для других занял ведущее положение в секторе. И никого не удивило, когда был подписан официальный приказ о назначении Скринского начальником сектора. Приказ закрепил то, что уже свершилось.

Этот же процесс повторился через десять с лишним лет. И опять никого не удивило, когда теперь уже академик Александр Скринский стал заместителем директора института. Приказ закрепил лишь то, что уже свершилось.

А за создание ускорителей на встречных пучках и эксперименты на них коллектив новосибирских физиков был еще в 1967 году удостоен Ленинской премии.

В год двадцатилетия Сибирского отделения Александру Николаевичу Скринскому исполняется сорок лет. Он так же, как и раньше, все дни, включая иногда субботы и воскресенья, пропадает на ускорителях, теперь уже огромных мощных приборах. Так же прост, естествен и скромнен. И хотя теперь он уже академик, и даже со стажем, на международных конференциях руководителей институтов он остается часто по-прежнему одним из самых молодых.

А характер Скринского? Характер не изменился, да уж и видно, не изменится никогда. И, пожалуй, именно в этом кроется залог будущего творческого роста сорокалетнего академика, кавалера ордена Ленина, лауреата Ленинской премии Александра Николаевича Скринского. Он прошел в городе на берегу Обского моря путь от студента-практиканта до академика. Это ли не яркий пример стиля работы, характерный для всего научного центра?

Александр Скринский — выпускник МГУ, а мне хочется рассказать о судьбе еще одного молодого ученого, который, подобно Гончарову и Балакину, «родился» в Новосибирском университете. Он был уже профессором, когда Сергей Гончаров только поступал туда. Это член-корреспондент АН СССР, известный математик Юрий Леонидович Ершов.

Сейчас ему 37. Он коренной сибиряк, уроженец Новосибирска. В НГУ был ленинским стипендиатом. Закончил университет в 63-м. Почти сразу после окончания защитил диссертацию. Ее тема — «Разрешимые и неразрешимые теории». А учителем его был один из основателей Сибирского отделения лауреат Ленинской пре-

мии, математик с мировым именем академик А. И. Мальцев. Именно на его семинаре «Алгебра и логика» сделал студент Юрий Ершов свои первые доклады.

В 1970 году в Ницце проходил международный конгресс математиков. Ведущие ученые мира с интересом слушали доклад по теории нумерации — новой области математической логики, который делал тридцатилетний советский математик Юрий Ершов. Работа была начата главой сибирской математической школы Мальцевым, но смерть прервала ее. Юрий Ершов, его ученик, принял эстафету, создал теорию.

У Ершова сейчас уже немало своих учеников. «Как руководитель он очень требователен, и в то же время нет мелочной опеки» — так говорил мне о Ершове его талантливый ученик Сергей Гончаров. И еще: «Почему я хотел заниматься именно у Ершова? Я его уже знал как крупного специалиста по математической логике, слушал его лекции и различные выступления научно-философского плана. Меня привлекала его цельность и, как бы это сказать яснее, математический подход ко всем вопросам, что ли, логика убеждения. Обо всем он говорит так стройно, что вывод его воспринимается однозначно, он не может быть другим, и не согласиться с этим выводом невозможно. Так бывает только в математике».

А вот с Юрием Леонидовичем Ершовым мы говорим о его ученике Сергее Гончарове.

— Современный ученый считает себя обязанным заниматься не только своей наукой, но и общественными и социальными задачами, — говорит он. — Сережа Гончаров — один из таких. Он работает в Институте математики, ведет спецкурс в университете, занимается со студентами, а иногда с ребятами из физико-математической школы (на общественных началах). Он был многолетним секретарем комсомольской организации института, а сейчас председатель совета молодых ученых Новосибирской области. Математик, ученый, занимающийся абстрактной наукой, стоит во главе такой общественной организации, цель которой — конкретные дела, развитие научно-промышленного потенциала Сибири, строительство БАМа, например. И для Сережи Гончарова такая работа не просто долг, а естественная потребность. Участие во всех делах страны — наша традиция, она идет от Лаврентьева, Мальцева...

...Перед самым отъездом я пошла побродить по Академгородку. Сибирская весна уверенно вошла в свои права: лес стоял в прозрачной зелени, с Обского моря поднимался легкий теплый вечерний туман. Пахло дымком. На берегу у костра группа молодежи пела под гитару какую-то незнакомую мне песенку. И вдруг мне послышалась та, местного сочинения, что распевали здесь когда-то с максимализмом молодости:

Кругом шумит почти тайга,
Течет Зырянка-реченька.
Кому наука дорога —
В столице делать нечего.
Прощай, Москва! Сибирь кругом.
Живем семьей единой.
Наш новый дом теперь зовем
Мы Золотой долиной.

Этому дому уже двадцать лет...

ДЕВИЧЬЯ ДОЛЯ

Виктор ЛОГИНОВ

На Кубани в самом дальнем отделении совхоза «Приазовский» живут две большие семьи: Бочко и Гусаковы. У Гусаковых одиннадцать детей, у Бочко — семеро.

Старый коммунист, беззаветный труженик Александр Иосифович Бочко — счастливый человек. Дети — прямое продолжение его славной трудовой судьбы. Гордится своими детьми и Михаил Кузьмич Гусаков, тоже коммунист, секретарь партийной организации отделения.

Для родителей все дети одинаково дороги, это известно. Но Александр Бочко невольно выделяет в своей семье дочь Надю. А Михаил Гусаков — дочь Раю. Они подруги, причем давнишние, с первого класса. Так похожи судьбы этих девушек!

О славной девичьей доле и наводит на размышление знакомство с Надей Бочко и Раей Гусаковой. Речь пойдет здесь только о девушках из рядового кубанского совхоза, но, может быть, в их трудовой судьбе, да и в личной жизни тоже, увидят что-то свое, знакомое, и другие...

Надя Бочко и Рая Гусакова — трактористки. Сейчас они руководят механизированными звеньями. Значит, девушки не рядовые работницы. Под их началом трудятся мужчины — семейные, многодетные. Почему же именно им, Наде и Рае, доверено руководить звеньями? Да потому, что они заслужили это умением отношением к своему делу, прилежанием и дисциплинированностью.

Вот свидетельство одного из старейших совхозных механизаторов, Василия Яковлевича Черного: «У меня человек двадцать питомцев. В общем-то их гораздо больше, но я говорю о лучших из лучших, выросших в добрых мастерах. Среди них и две девушки — Надя и Рая».

Механизатор Василий Черный — человек, умеющий делать все. В совхозе нет такой машины, которой он не смог бы управлять. И если уж он дал подобную оценку работнику — это говорит о многом. Рая с Надей у него действительно чуть ли не самые лучшие. И выходит, что они — трактористки милостью божьей. Так иногда говорят о призвании или таланте.

Талант. Призвание... Правомерны ли такие высокие понятия, когда речь идет о девушках, работаю-

Надя Бочко.

Рая Гусакова.

Фото И. Гаврилова

щих на тракторе? Что лукавить, односложный ответ вряд ли устроит всех без исключения. Но давайте выслушаем мнение Нади Бочко. Нахмурившись, она сказала: «А меня не нужна и не высокий заработок погнало на трактор. Я так захотела». Так захотела и Рая Гусакова.

И вот как это у них получилось... С кого брать пример, кому подражать двум девчонкам, живущим на хуторе, затерянном в степи? Они хотя и читали разные книжки, но жизнь в городах и дальних странах их не увлекла. Стать артисткой? Или учительницей? Такие желания девушек не волновали.

Шоферами, только шоферами! Водить грузовик так, как водит его единственная на хуторе женщина-шофер. Ну чем не героиня? Чем не мечта — гонять по степным дорогам тяжелые грузовики?..

Все было решено, но на курсы водителей девушек не зачислили: и от ребят отбоя не было. Погоревав, подружки мотнулись в город Ейск, чтобы выучиться там малярному делу. Мастера говорили, работа, мол, перспективная, можно сказать, художественная, и заработки будут приличные. И двух месяцев не выдержали подружки — сбегали. Возвратившись на хутор, не знали, чем заняться, не

раз заходили на машинный двор: подбирали болты, гайки, тайком заглядывали в кабины тракторов и комбайнов. Однажды их приметил мастер-наладчик Николай Силенко. Поманил, внимательно оглядел.

— Сдается мне, вам делать нечего, девчатки.

— Нечего, — смущенно призналась Надя.

— А на машинный двор тянет?

— Еще как!

— Ну и шли бы на трактор. Вы крепенькие.

— А возьмут? — выпалили подружки.

Силенко смешливо посмотрел на Надю.

— Это ты на корове каталась?

— Я...

В детстве отец сажал Надюшу на корову, говорил: «Паси скотинку, дочка». И Надя ездила на корове, плела венки и украшала ими коровьи рога...

— Ну так вот, — сказал Силенко. — Курсы скоро откроются. По-езжайте, примут.

Как видите, все очень просто, но совсем не случайно. Можно, конечно, утверждать, что это опытный, взрослый человек, Николай Силенко, подвигнул девушек на трудное тракторное дело. Можно добавить, что и другие мастера помогали подругам выбирать судьбу. И все-таки будет полуправдой, если не сказать о мечте, о влечении к трактору. На трактор девушек влекло сердце. Поэтому и стоит, стоит говорить о призвании. Тут не случайный выбор цели в жизни, не временный расчет. Недаром ведь Надежда Бочко, проработав на тракторе один сезон, заняла первое место на районном соревновании женщин-пахарей. Еще через год она была первой уже в целом крае. Не отставала от нее и подруга.

Вот еще один штрих. Надя хорошо поет. Учителя ей настоятельно советовали идти в музыкальную школу: голос приличный и слух есть. В крайнем случае могла бы петь в колхозном ансамбле — дело стоящее и для сотен девушек привлекательное. Некоторые кубанские колхозные ансамбли обьехали полмира. Разве не соблазнительно? Надя лишь головой качнула: «Нет». У нее свой путь. Выбран раз и навсегда. Конечно, вовсе не обязательно всю жизнь работать на тракторе. Она уже учится в сельскохозяйственном институте, станет инженером. Сельским инженером хочет прожить свою жизнь Надежда Бочко, только это ее и устраивает. Что же это, если не призвание?

Труд пахаря тяжел. Издавна считалось, что пахать и сеять — дело мужчин. Мужчине действительно сподручнее водить трактор или комбайн. Это его естественный,

природой predetermined долг. И все же на трактор идут, и, как мы видим, с охотой, также и женщины. Они не только стремятся занять место рядом с мужчинами, но и превзойти их в труде.

По этому поводу Наде Бочко есть что сказать.

Она считает, что женщина на тракторе, как правило, добросовестнее, аккуратнее, хозяйственнее мужчины. Примеров у нее достаточно. Один из них она приводит без смущения: многие мужчины пьют.

— Они ведь с похмелья чумные. Даже у классного специалиста после гулянки борозда не получается прямой.

Кроме того, они курят и особенно любят это делать в компании.

— Кто бы подсчитал, сколько минут рабочего времени отнимает у человека одна пачка сигарет?

Но это вовсе не значит, что женщины должны помаленьку вытеснять мужчин.

— Никто так вопроса не ставит, а то они еще возрадутся!

Просто все мужчины должны уяснить всерьез, что женщина на их месте может работать не хуже.

— В степи она приносит двойную пользу: и работает и мужчин дисциплинирует, хотя бы своим видом.

Эту мысль Надя развивает дальше. Зарплата о внешнем виде вовсе не пустячное дело, как думают некоторые. Приятно ли смотреть на замурзанного, кое-как одетого тракториста? А на такую же трактористку? Обидно становится за наших прославленных землепашцев. Это одно. А другое — человек в грязной и неудобной одежде незаметно для себя и работает грязно. Посмотрите, в чем работают трактористы. Да кто в чем! Для поля давно уже нужна удобная и красивая спецодежда. Надя подчеркивает: красивая! Особенно для женщин. Садясь за руль большой машины, женщины хотят оставаться и в поле привлекательными. А это бывает трудно. Гораздо труднее, чем пахать и ремонтировать машину, валяясь на сырой земле. Где эластичные и прочные комбинезоны? Где хорошие куртки? Думают ли над этим наши модельеры? Заботит ли это работников легкой промышленности?

Проблемы есть. Ясное дело, что тракторы, да и все сельскохозяйственные машины, конструируются «с прицелом на мужчин». Хотя можно подсчитать: только в совхозе «Приазовский» механизаторами работают более двадцати женщин. На Кубани их около полутора тысяч. А сколько в стране? Нет, Надя не считает, что нужно делать специальные «женские тракторы». Но разве в обычных машинах нельзя предусмотреть местечко для зеркала и для ящичка, куда можно было бы положить... ту же губную помаду?

— Или же: чем мы руки моем? Горючим. У нас даже бачка с водой нет!

Юная милая женщина моет свои исцарапанные руки бензином и ходит в каких-то — да простится нам! — несуразных портках. А она, черт возьми, достойна лучшего! Но дело не только в этом. Надя долго работала на тяжелых тракторах: пахала, севала, днем и ночью. Напарниками и соседями по бригаде у нее были мужчины. В принципе можно трудиться и так. Но гораздо лучше женщина чувствовала бы себя рядом с такими же, как она, трактористками.

Надя голосует за женские тракторные звенья и отряды. И было бы хорошо, чтобы женщины работали только на легких машинах типа «Беларусь». И только днем. Ночь многих отпугивает. Таким образом, мужчины пусть пахут и сеют, а женщины будут обеспечивать фермы, садово-огородные бригады: там тоже дел трактористам много. А то ведь иногда мужички даже посмеиваются: «На трактор полезли? Вроде бы нам на подмогу? Ну и вкалывайте на здоровье: вы же равноправные!»

Размышления Нади в конце концов сводятся к тому, что женщины и впредь будут садиться за руль трактора. Завтра их будет больше, чем сегодня. И уже пора бы призадуматься, как облегчить и облагородить их труд. Об этом Надя говорила на краевой партийной конференции. Она член крайкома КПСС, и эта деталь немаловажная. Кстати, ее подруга Рая — депутат краевого Совета. Примечные они, девушки из совхоза «Приазовский». И выделяет их не только замечательный труд. Они думают, ищут и по-партийному спорят, если в жизни их что-то не устраивает. Конечно, они еще молодые, у них не так уж много опыта общественной работы. Но он еще придет, опыт.

Похожи судьбы этих девушек. Одинаковая, даже в частностях, доля. И в то же время очень разные они — и лицом и характером. Надя улыбчивее, разговорчивее. Загорятся ямочки на щеках, блеснет в глазах смех — и сразу смягчаются даже самые черствые сердца. Рая на вид сурова, улыбается редко. Это у нее от стеснительности. К тому же Рая считает, что о ее работе писать еще рано: мало сделала. Такое же мнение высказывает о себе и Надя. Скромность привита им в семье с детства.

Скромно живут, замечательно работают эти славные девушки. И все бы хорошо, да вот сетуют в районе: личной жизни у девчат почти нет...

На эту тему Надя Бочко говорит неохотно. Да и что она может сказать? Работает, учится. Трудится в поле, трудится дома. Большая семья у отца. Плюс общественная работа. Свободного времени почти не остается. Что же еще?..

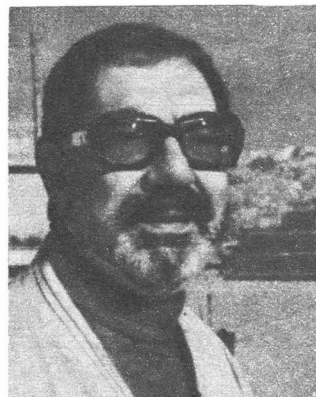
Что же еще?.. Затерян в степи маленький хутор. Ребят раз, два и обчелся. Уже пропеты грустные песни о девушках, парней не имеющих. Написаны про это книги, поставлены спектакли. И все же в конце концов соединяются сердца и образуются семьи. Надя это понимает.

... Над широкой степью льется песня. Она летит над пшеничным полем, над лесной полосой, над дорогой.

Вы слышали, как поют дрозды? Нет, не те дрозды, не полевые.

Летит песня Надежды Бочко. В песне Надя изливает душу. Грустно на душе — летит грустная песня. Радостно Наде — веселая песня срывается с губ. Но грустно ей или радостно — она ни на минуту не забывает о своей мечте, привязанной к земле, на которой Надя родилась. И не оставляет ее надежда на еще более полное счастье. Где оно? Да, может быть, там, вон там, за поворотом, впереди... Вся жизнь у Нади Бочко еще впереди.

Краснодар.

Костас КОДЗАС

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Известный греческий прогрессивный писатель Костас Кодзас знаком советским читателям по романам «Закопченное небо» и «Забой № 7». На экранах нашей страны с успехом демонстрировался греческий фильм «Квартал Мечта» по сценарию Костаса Кодзаса. В настоящее время в издательстве «Прогресс» выходит его роман «Незаконный».

Предлагаем вниманию читателей один из новых рассказов Костаса Кодзаса.

НА
НЕ
З
А
Ж

П

ожилый конвоир опять поворачивает свое испуганное лицо. Смотрит. Стоит, не приближаясь, как будто бы боится его. Стоит окаменевший, прислушиваясь к его дыханию, к малейшему шороху, исходящему от его почти бесплотного тела. Приговоренный видит прямо перед собой красный нос и потухшие глаза жандарма, который с каким-то суеверным страхом рассматривает его как некое странное существо, обреченное скоро стать мертвым — как только взойдет солнце.

Приговоренный поднимает голову и смотрит вдаль. Чуть брезжащий рассвет еще неясно очерчивает склон горы. Вот уже виднеется деревце. Пока только одно. Как бы он хотел сейчас быть там, карабкаться вверх по этому склону. Вверх и вверх. Изранить ноги о камни, издрать их о кусты и колючки. Бежать изо всех сил. Так, чтобы сыпался песок и срывались вниз камни. Бежать навстречу заре, которая вот-вот прикоснется к вершине этой горы.

Два других жандарма стоят около грузовика. Почему-то им никак не удается стоять неподвижно. Они то потирают свои плечи и подмышки, то сгибают и разгибают спины. Странно. То же самое происходит и с солдатами отряда казни. Королевский прокурор подзывает к себе начальника отряда, низкорослого толстенького капитана, и показывает ему что-то вдали.

Взгляд приговоренного опять прикован к стволу ружья в руках жандарма с красным носом. Он все время видит перед собой ствол этого ружья. Даже когда жандарм двигается и перекидывает свое оружие на другое плечо. Все части этого оружия притягивают его взгляд — штык, ложка, рукоятка, затвор. Однако ствол имеет над ним особую власть. Никогда в жизни он не чувствовал такого магнетизма от какого-либо предмета... Но все-таки он отрывает взгляд от ствола и опять смотрит на склон горы. Вот еще одно деревце... Теперь их уже два.

Королевский прокурор опять смотрит на свои часы. Он нервничает с тех самых пор, как приговоренного высадили из грузовика. Перед исполнением приговора ему не понадобится еще раз утруждать себя выступлением. Достаточно приговора, утвержденного и подписанного. Он держит его в руках. Вся беда в том, что королевский прокурор не мог притащить сюда, на место казни, свои супружеские размошки — было бы у него сейчас хоть какое-нибудь занятие. Здесь, в этом поле, сейчас перед рассветом внезапно исчез обычный его мир. Здесь, в этом поле, сейчас перед рассветом не существует больше ни семейных скандалов, ни заблуждений в картах, ни бизнеса. Нет больше ничего этого. Все присутствующие здесь обязаны наблюдать казнь, и, как только

приговоренного высадили из грузовика, королевский прокурор стал глядеть на свои часы.

— Еще ночь,— бормочет он нервно.

Приговоренный смотрит на его огромную лысину.

— Это имеет значение?— спрашивает он иронически.

Королевский прокурор путается с ответом и болезненно морщится — ирония приговоренного усиливает его нервное состояние.

— Я люблю быть точным,— невнятно бормочет он и отходит в сторону.

Всю ночь прокурор не спал. Он думал: «Завтра у меня утренняя работа». Вечером он пошел в кино со своей женой. Обещал ей это еще утром, потому что в то утро она смотрела на него таким ледяным взглядом, что он забеспокоился. Этот взгляд ассоциировался у него в голове с ее весьма неопределенными угрозами по поводу того, что каждый из них имеет право построить свою жизнь как хочет, и что человек живет один раз, и что женщине нужна нежность и любовь, точнее, любовь с нежностью, и что без этого женщина вянет и погибает раньше времени. К тому же в этих угрозах королевскому прокурору виделся некий господин Г., о котором его жена часто говорила в последнее время. Фильм выбрала она — сентиментальный бред о любви миловидной монахини к пожилому графу. И на этот раз, как обычно, в день перед казнью она его не пилила. Она молчала. Только сказала: «Завтра я буду готовить мясо с фасолью». И потом: «Говорят, на острове Икария можно снять дешевые комнаты». Чтобы поведать ему о своих самостоятельных планах на летний отдых, она выбрала именно эти дни, когда хорошо знала, что он не в состоянии ей перечить. Впрочем, в этом году ее здоровье требовало... Но все равно он слушал об этих ее летних купаниях в бешенстве, дрожал от гнева и был способен задушить ее, затоптать. Однако ответил, как всегда в этих случаях: «Хорошо, посмотрим». Кроме всего прочего, появился и этот господин Г. Ледяные взгляды жены стали повторяться все чаще, почти ежедневно. Так что прокурор даже перестал быть уверенным в своей мужественной внешности. Когда в последний раз смотрел на себя в зеркало, его весьма смутила лысина, которая за последнее время очень увеличилась.

Здесь, в этом поле, королевский прокурор не может ни на секунду, как это он делает обычно в суде, убежать в свой мир, оставив людям только свой внешний облик. Здесь он обязан присутствовать. Здесь, в этом поле, он не может найти убежища даже в бешенстве против жены. Здесь и это бешенство почему-то исчезло. Опустошенный, он ходит туда-сюда, заложив руки за спину.

Приговоренный неподвижно стоит на месте. Королевский прокурор пытается зажечь сигареты. Его пальцы дрожат. Ему кажется, что приговоренный замечает эту дрожь, хотя не смотрит на его руки. Выбрасывает сигарету. Королевского прокурора раздражает сейчас то, что во время военного трибунала приговоренный не попал в его ловушку. Его прокурорское самолюбие уязвлено. И еще эти насмешливые комментарии коллег-офицеров, которые давно подкапывались под него. Это почти официальное заявление, будто он со своими неудачными вопросами, со своим честолюбием, со своим «унылым» выступлением провалил в полном смысле слова такой важный процесс, где у них в руках были все козыри против руководства компартии. Разумеется, с этими высказываниями согласились и председатель военного трибунала и остальные судьи, чтобы свалить на голову прокурора всю ответственность. Вся эта возня, которая началась после процесса, здорово накалила обстановку в военной юстиции. Но не может же он сейчас разрядить свои нервы, бросившись на приговоренного с обвинениями, что тот со своей дурацкой непоколебимостью стал причиной оживления всех этих клик, причиной скандала в военной юстиции, который затронул честь военных судей и расшатал изнутри престиж самих военных трибуналов. Сейчас, в этом поле, он вдруг почувствовал, что этот военный трибунал, как ни странно, стал чем-то большим, чем его личное поражение.

Королевский прокурор хочет заглянуть в глаза приговоренному, но почему-то трусит. Здесь, в этом поле, он так и не сможет за-

глянуть ему в глаза. В его ушах все еще звучит голос этого человека, его последнее выступление в трибунале. И королевский прокурор еще и еще раз пытается бежать с этого поля и найти убежище в гнев против жены. Напрягая воображение, он пытается мысленно даже дать ей пощечину, кричит, что никогда, никогда она не поедет одна на остров Икария. Но бежать отсюда ему все-таки не удастся. Голос приговоренного, его хрипловатый и спокойный голос продолжает звучать в его ушах так, как тогда в трибунале...

— ...Империализм и внутренняя реакция инсценировали этот суд, чтобы очернить компартию и ее руководство. Этот суд является продолжением предыдущих судебных процессов против многих кадров нашей компартии. Разница только в том, что те суды были сфабрикованы во время «холодной войны». Этот — когда международная разрядка делает свои первые шаги. Цель его — наступление на демократию, которую желает наш народ. Обвинение в шпионаже имеет цель оклеветать компартию в международном масштабе, подорвать доверие к партии рабочего класса и уничтожить ее руководителей. Они пытаются представить нас шпионами, потому что не могут приостановить развитие событий, не в силах искоренить образ компартии из душ греков. Искренне поэтому они и пытаются представить нас как шпионскую организацию. Напрасно! Я беру на себя полную ответственность за политику компартии как один из ее руководителей. И, если мне назначена казнь, то я охотно жертвую собой. Я знаю, что кровь моя прольется не даром. Греция будет жить, и демократия в ней восторжествует.

Военный трибунал признал его виновным и осудил на смерть. Королевский прокурор слы-

шал, как адвокат обвиняемого пробормотал: «Средневековье».

Приговоренный смотрит на склон горы. Все четче вырисовывается рельеф — светает. Прокурор подходит к нему. Неожиданно чихает. Потом бросает строгий взгляд на конвойных. Те сразу вытягиваются по стойке «смирно». Но стоят плохо. Кто куда. «Что с ними? Холодно им, что ли?» Приговоренный нагибается, берет кусок влажной земли и вдыхает ее запах.

— Кому передать твои вещи? В тюрьме записали все, что надо?— бормочет королевский прокурор, не глядя ему в глаза.

— Все, что я имею, со мной,— отвечает приговоренный.

На нем тот же костюм, что и на суде. У него нет другого. Он опять нагибается, срывает несколько травинки и растирает их в ладони. О, как пахнет трава! Так по-земному, что хочется плакать. Все вокруг него пахнет по-земному. В этом предрассветном поле как будто бы заключена красота и обаяние всего мира. Он опять подносит ладонь к своему лицу. Заострившиеся черты и потемневшая кожа выдают в нем чахоточного больного. Утренняя прохлада обычно плохо влияет на его легкие. И он закашливается. Королевский прокурор опять смотрит на часы. Не поднимая глаз, следит за движением секундомера. «Неужели это все-таки убийство, как утверждают...— думает он.— Почему-то в последнее время вся пресса выступает против военных трибуналов... Неужели когда-нибудь на меня будут смотреть, как на убийцу?»

— Ты готов?— спрашивает он внезапно.

— Готов,— отвечает тот.

Приговоренный догадывается, что королевский прокурор опять хочет курить — по его рукам, которые нервно лезут в карманы пид-

жака. Это мучительное состояние курильщика, эти неосознанные движения рук хорошо известны ему самому. Но почему королевский прокурор медлит? Почему не вытаскивает свою пачку? Почему не курит? Или боится, что пальцы снова начнут дрожать? Приговоренный вытаскивает из кармана свои сигареты.

Королевский прокурор спешит. Как бы ему хотелось поскорей избавиться от этого дела и уйти отсюда! Но впервые за всю свою карьеру он чувствует странную неловкость. Присутствие этого человека меняет даже его осанку. Спина, плечи, наклон его лысой головы делают его сейчас похожим на лавочника, который терпеливо ждет выхода клиента, чтобы поскорее запереть свою лавочку.

— Ну, давай. Тогда пойдем, — бормочет королевский прокурор каким-то извиняющимся тоном, как будто хочет сказать: «Вы уж меня извините, но полиция разрешает держать лавку открытой до определенного времени. Иначе мне грозит штраф. Вы понимаете меня?» Королевский прокурор сам не знает, что именно с ним произошло и отчего за несколько минут он так сдрейфил. Ведь из машины он вышел, конечно, немного нервным, но, как всегда, самоуверенным и шел с прямой спиной.

Он делает над собой усилие и сухо добавляет:

— Солнце взошло. И по закону...

И в эту минуту замечает, что приговоренный держит в зубах незажженную сигарету.

— Покури, покури, — торопится он сказать и вытаскивает наконец свою пачку. От этого торопливого движения вывертывается его карман — какая-то нитка прицепилась к обрубчатому кольцу. Приговоренный протягивает ему зажженную спичку. Королевский прокурор с готовностью наклоняется, чтобы прикурить, ладонями защищая огонь от ветра. И его пальцы прикасаются к руке смертника. Он отшатывается, говорит испуганно: «Спасибо. Я не буду курить». В тишине становится слышно, как бурлит у него в животе. Приговоренный затягивается сигаретой, затягивается глубоко. Солдаты отряда расстреля уже приблизились и с растерянными лицами ждут команды. Теперь приговоренный и королевский прокурор слышат их дыхание и чувствуют запах сапог и шинелей. Налетает ветерок, принося с собой запах цветов и трав. И снова запах трав сменяется запахом солдатского пота.

Королевский прокурор внезапно расправляет плечи и быстро вытаскивает из кармана спички. Черт побери! Как это ему удастся рассыпать на землю весь коробок! Вес! До единой спички! Он мнет сигарету в потной ладони и выбрасывает ее. Приговоренный спокойно курит. Тело королевского прокурора опять приобретает прежнюю осанку. Он снова становится похож на мелкого лавочника. Теперь он рассматривает свою обувь, измазанную глиной. Потом — обувь приговоренного, которая тоже в глине. Опять переводит взгляд на свои туфли. И вдруг обращает внимание на рассыпанные спички. Они белеют в траве под самыми его ногами. Им овладевает мучительное чувство стыда. Подняв голову, он пробует глубоко вздохнуть и замечает священника, который осторожно лавирует по раскисшей дороге, выискивая места почище. Чувство стыда растет и мучает королевского прокурора. Оно как будто жжет его изнутри. И только потом, когда он, испытывая величайшее облегчение от мысли, что тот человек уже мертв, покинет, наконец, это поле, только потом мучительное чувство стыда отпустит его, превратившись в твердое решение во что бы то ни стало запретить жене ехать на остров Икария. И только тогда к нему вернется его обычная самоуверенность. Он попросит у начальника конвоя спички, закурит, наконец, и, входя в машину, глубоко затянется сигаретой.

Священник стоит в стороне. Он знает — его присутствие тут излишне. Но ритуал требует этого. И он ждет, почесывая затылок у левого уха. И ряса на его плече постепенно покрывается перхотью. Начальник отряда приближается к смертнику и спрашивает его о последнем желании. Приговоренный показывает на стену, белеющую поодаль.

— Немало патриотов полегло у этой стены. И, обращаясь к королевскому прокурору, тихо добавляет:

— Я хотел бы быть последним, которого ты убиваешь.

Они шагают рядом — он и начальник отряда. Стена медленно приближается. Приговоренный делает глубокую затяжку и страшно закашливается. Останавливается. Снова прикуривает от догорающей сигареты. Опять затягивается. Они проходят мимо оливкового дерева. Приговоренный замедляет шаг и заглядывает в его листву. И снова его длинные кост-

лявые ноги продолжают размеренные шаги по траве. Вот, наконец, они подошли к стене, и приговоренный поворачивается лицом к конвойным. Они сгрудились и наблюдают за ним. Маршируя, приближается отряд казни.

Летают птицы. Он смотрит то на птиц, то на поле, простершееся перед ним до горизонта. В эту секунду он пытается объять взглядом все это необъятное пространство. Вытаскивает еще одну сигарету. Остальную пачку бросает в траву. Закурив, выбрасывает и спички. Начальник отряда подходит к нему с черной повязкой в руках. Смертник отрицательно мотает головой. Отряд выстраивается. Королевский прокурор продолжает разглядывать свою обувь. Облепившая туфли глина делает их похожими на котурны. Черт побери, он опять не заметил, куда ступил. Потом, когда все здесь будет завершено, ему следует попросить у какого-нибудь солдата воды из фляжки, чтобы смыть эту грязь. Слышится первая команда: «Готовься!» Крайний солдат роняет ружье. Поспешно поднимает его. Смертник бросает в траву недокуренную сигарету — с земли поднимается тонкая струйка дыма. Выпрямляется и изо всех сил сжимает челюсти — становится слышно, как скрипнули у него зубы. Еще раз набирает в легкие воздух. Окурки продолжает дымить. Слышится вторая команда. И хриплый срывающийся голос бьет прямо в уши королевскому прокурору:

— Да здравствует демократия!

И хотя королевский прокурор стоит в ожидании этого голоса, хотя он давно уже караулит его, он чувствует вдруг мороз по коже.

В ответ слышится последняя команда:

— Пли!

Залп заставляет королевского прокурора вздрогнуть еще раз.

Потом, конечно, он пошел мыть свои туфли и попросил спички у начальника конвоя.

Но странное дело! После ликвидации военных трибуналов он стал равнодушнее относиться к участвовавшим ссорам с женой. Ее постоянные отлучки и частые задержки «у подруг», даже ее самостоятельное путешествие по Европе — все это вызвало у него всего лишь незначительное повышение давления и сахара в крови. Ничего больше. А уже потом, гораздо позже, после того, как он услышал, что имя казненного было упомянуто среди имен борцов, отдавших свои жизни за дело демократии в Греции, бывший королевский прокурор обратил внимание на то, что его руки все-таки удивительно неловки. Открывая спичечный коробок, чтобы зажечь сигарету, он рассыпал все спички, все до единой на пол своего кабинета. Может быть, это случилось до того, как он услышал имя казненного, или намного позже — он хорошо не помнит. Но было совершенно необъяснимо, что еще долгое время при виде спичек, рассыпанных на полу, он всякий раз чувствовал мороз по коже.

Со временем все это, конечно, забылось — у бывшего королевского прокурора слишком много забот. В военном корпусе до сих пор не дают ему покоя своими интригами. Приходится постоянно быть начеку и тоже организовывать ловушки для врагов. У него даже нет времени следить за женой — пусть она делает что хочет, черт побери! Хватит ему неприятностей на службе.

По улицам своего квартала он ходит гордо, с достоинством пронося лысую голову мимо сияющих витрин дорогих гастрономов и кондитерских. Только иногда им внезапно овладевает какая-то непонятная паника, и он начинает бояться, что с минуты на минуту его хватит удар. Весь в холодном поту, задыхаясь, он останавливается и заглядывает в равнодушные лица прохожих. И всегда в такие минуты в его памяти возникает то предвечернее поле и чахоточное лицо приговоренного, который протягивает спичку, чтобы дать ему закурить. И тогда все склоки в военном корпусе, все служебные интриги, которые днем и ночью владеют его воображением, отходят, освобождая мозг. И он чувствует тогда невыносимое унижение.

Авторизованный перевод
с греческого
Анны КОЗЛОВСКОЙ.

ФЕСТИВАЛЬ КИНОЛЮБИТЕЛЕЙ

Г. Л. Рошаль
беседует
с кинолюбителями
из Башкирии.

Все виды искусства освоены сегодня любителями: есть среди них не только певцы, танцоры, музыканты, но и авторы кинопроизведений — актеры, режиссеры, художники...

В рамках Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся прошел смотр лучших из девяти тысяч фильмов, снятых кинолюбителями страны. Народный артист СССР режиссер Г. Л. Рошаль справедливо назвал его участников летописцами времени, они отражают нашу жизнь многогранно, в

самых разных аспектах. В этих кинолентах запечатлен повседневный героизм советского народа.

В конкурсе участвовали картины весьма разнообразные по жанру: игровые, документальные, мультипликационные. Проникновенные любовью к Родине, гражданственным пониманием темы, многие любительские картины привлекают глубиной образованного решения. Не случайно из 168 показанных на заключительном смотре фильмов 78 названы его лауреатами.

А. ЗВЯГИНА

Декабрист
В. И. Штейнгель.

Ю. Б. Шмаров.

Этот старый, старый дом...

Фото Г. Иванова

В ДОМЕ ДЕКАБРИСТА

Александр БАСМАНОВ

Этот маленький одноэтажный четырехколонный особняк стоит в Москве на улице Рылеева, в бывшем Гагаринском переулке. Когда-то, еще в XVIII веке, на белокаменном фундаменте со сводчатым подвалом был на его месте другой дом, сгоревший дотла в большом пожаре 1812 го-

да. Покупателем «горелого места» и владельцем выстроенного на нем нового дома стал барон Владимир Иванович Штейнгель, будущий декабрист. Кадровый моряк, ходивший в эскадре адмирала Чичагова к берегам Голландии и Англии, он в 1802 году вышел в отставку, а в 1812-м вновь поступил в военную службу, но теперь уже в ополчение, с которым прошел весь поход и был за «отличную храбрость» награжден орденами Владимира и Анны. Судьба Штейнгеля известна: в 1823 году знакомство с Кондратием Рылеевым и другими декабристами, Сенатская площадь, каторга, поселение и смерть в 1862 году.

Видело много это крыльцо с изящной решеткой, и эта низкая передняя, и анфилада залы, гостиной, «боскетной» и угольной комнат, и темного красного дерева зеркало-дверь в кабинете, ведущая через подземный ход на улицу, в соседнее владение.

Еще задолго до вынесения следственной комиссией приговора все пошло с молотка, и, как бы отвечая на мрачное тридцатилетие, николаевская сердцевина XIX века знаменовалась для этого дома почти ничего и почти никому не говорящими именами новых вла-

дельцев — поручик Хлебников, вдова Ляпунова, Прасковья Панаева, боковая родственница знаменитому редактору «Современника». Только 1830-е годы были кратко озарены пребыванием новых жильцов — Варвары Петровны Тургеневой и ее сыновей Ивана и Николая. Детям далеко было добираться до школы, и потому семья временно поселилась в Гагаринском, рядом с частным пансионом, где учился будущий писатель.

В 1872 году особняк занимает известный московский юрист Михаил Николаевич Лопатин. Человек разносторонне образованный, он был поборником освобождения крестьян с наделением их землей. По этому поводу и его выступления как публициста в тогдашних журналах «Атеней» и «Отечественные записки». Статьи острые, основательные — их интересно читать и сегодня.

В московском культурном обществе Михаил Николаевич был известен достаточно, и потому вокруг него составил свой своеобразный кружок лучшей интеллигенции. Лопатинские «среды» стали весьма знамениты. На них собирались преподаватели Московского университета, литераторы, об-

щественные деятели. С течением времени — а семья Лопатиных прожила здесь около шестидесяти лет — состав гостей менялся, на смену старому поколению приходило новое, но духовная атмосфера кружка сохранялась неизменной. Перечень людей, посещавших дом в Гагаринском переулке, дает, мне кажется, полное представление об интересах, этому дому близких. Ведь среди постоянных, многолетних друзей Лопатиных были писатели Л. Н. Толстой и А. Ф. Писемский, поэты Ф. И. Тютчев, А. А. Фет и И. С. Аксаков, знаменитые историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, редактор журнала «Вопросы философии и психологии» С. Н. Трубецкой, поэт и философ В. С. Соловьев, профессор Московского университета Ф. Е. Корш и Н. Я. Грот и многие другие.

Можно только представить, какие интересные разговоры велись в толстостенном кабинете, какие возникали горячие споры. А в чайной, или по-старинному «боскетной», комнате с расписным потолком, готов был уже к обязатель-

ному чаепитию серебряный самовар, и веселилась в соседней зале молодежь — дети Лопатиных Николай, Лев, Владимир, Екатерина, дети Толстых Сергей и Татьяна — та самая Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, подарившая нам прекрасные воспоминания о своем великом отце и о том времени.

К концу прошедшего века менялась не только духовная и социальная среда людей, менялась и среда формальная, предметная. Пришел на смену многолетнему ампиру стиль модерн, появилось искусство Врубеля, Валентина Серова и «гобелены», «водоёмы», «изумрудные ожерелья» Борисова-Мусатова, идет на подмостках нового московского театра чеховская «Чайка», начинают долгий спор символисты и чеканятся прозаические стихи Ивана Алексеевича Бунина.

Уже в конце века, в 1897 году, познакомился он в редакции толстого журнала «Новый свет» с начинающей молодой литераторшей Екатериной Лопатиной, опубликовавшей свой так и оставшийся единственным роман «В чужом гнезде» под псевдонимом К. Ельцова. Теперь во время довольно частых приездов в Москву обязательно останавливался двадцатипятилетний Бунин по соседству с лопатинским домом в Хрущевском переулке в меблированных комнатах Гунста и, живя в городе, бывал у Лопатиной чуть ли не ежедневно. Потом, почти через тридцать пять лет, он вспоминал: «Она была худая, болезненная, истерическая девушка... Правда, в ней было что-то чрезвычайно милое, кроме того, она занималась литературой и любила ее страстно. Чрезвычайно глупо думать, что она могла быть развитей меня оттого, что у них в доме бывал Вл. Соловьев. В сущности, знала она очень мало, «умные» разговоры еле долетали до ее ушей, а занята она была исключительно собой. Следовало бы как-нибудь серьезно на досуге подумать о том, как это могло случиться, что я мог влюбиться в нее. Обычно при влюбленности, даже при маленькой, что-нибудь нравилось: приятен бывает локоть, нога. У меня же не было ни малейшего чувства к ней, как и женщины. Мне нравился переулок, дом, где они жили, приятно было бывать в доме. Но это было не то, что влюбляются в дом оттого, что в нем живет любимая девушка, как это часто бывает, а наоборот. Она мне нравилась потому, что нравился дом...»

В том же 1931 году, когда были сказаны эти слова, нашлись на чердаке знакомого нам старого дома дневники самой Екатерины Михайловны Лопатиной. И обнаружилась в одной из тетрадок, на странице, помеченной 12 марта 1898 года, такая запись: «Иван Алексеевич дня через два после того, как я писала в последний раз, в среду уже был у меня. Он у меня постоянно, мы вместе работаем. Мне теперь с ним легко, в наших отношениях есть много поэтического, и, хотя часто меня пугает мысль, что с ним будет, думаю, что иначе поступить я не должна. «Постарайтесь взглянуть на это оригинальнее... как-никак, а мы артисты, черт возьми, нужно же, чтобы мы выработали какие-нибудь новые формы», — говорил он мне».

Эти порыжелые от времени колленкорные тетради хранятся сейчас в Пушкинском Доме в Ленинграде. Их нашел и передал сюда Юрий Борисович Шмаров, пенсионер, а в прошлом юрист, живущий в этом доме вот уже больше чем полвека и поведавший мне его историю.

Я был у него в гостях, в бывшей высокой гостиной В. И. Штейнгеля. Здесь, как и тогда, почти двести лет назад, уютные кафельные печи до потолка, и толстые проемы окон в тишь переулка, и механический гавот часов, и золото тисненых переплетов, и бесконечные портреты по стенам. Вот Василий Вонлярлярский, добрый

приятель Лермонтова, вот Варвара Нарышкина, вот князь Голицын, вот Екатерина Левашова, приютившая на последние жизненные годы объявленного сумасшедшим бесприютного Петра Чаадаева, а вот Леонтий Васильевич Дубельт, жандармский генерал. Когда-то писаны-рисованы они были в разные времена, для разных заказчиков, разными мастерами и в разной манере — акварелью, карандашом или маслом. Подарены, а может, куплены у художников и повешены на стены, поставлены в изящных кожаных рамках на столы, секретеры, консоли в гостиных и кабинетах Петербурга, Москвы, уездных городов и барских имений. Теперь все вместе: родственники и чужие, знакомые и незнакомые между собой, друзья и враги.

Тот, у кого сегодня на стенах висят эти портреты, не любит, чтобы его называли коллекционером. Их приобретение — не самоцель. Это лишь сопутствующий мотив, фон, который возникает в исторических изысканиях. Толстые папки стоят в его квартире, на стеллажах — от А до Я. В каждой — увесистая папка серой плотной бумаги-паспарту: Анна Абамелик, Александр Аблесимов, Екатерина Авдулина, Аркадий Аверченко... На лицевой стороне портрет — старая гравюра, фотография или просто вырезка из «Огонька». Оборот испан мелким жестким почерком: родился, женился, принимал участие в такой-то кампании, чин...

Сто таких папок — это только приложение к собранию. Его основа — тысячи генеалогий, описанных родословных, геральдическая графика, то есть в таком своеобразном выражении вся русская история.

Для каждого архивиста, историка, просто культурного человека генеалогия имеет неоценимое значение. Она необходима при рассмотрении и изучении любой исторической личности. Тут всегда встает задача, как выделить документы важные среди неважных, отдельных представителей семьи, определить полные имена корреспондентов и упоминаемых лиц, их взаимоотношения, разыскать биографические сведения. Так, например, только благодаря знанию родственных связей можно проследить за перепиской и бумагами личного архива декабриста И. И. Пущина; чтобы понять перипетии перехода писем А. С. Пушкина к П. И. Миллеру, современнику и знакомому поэту, потребовались поиски родословной Миллера.

В этой связи собрание Шмарова — родословные, книги с рукописными дополнениями, картотеки, портреты — не имеет себе равных. Сотрудники отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, кандидат филологических наук М. О. Чудакова сказала о нем: «Его дело не редкое, а редчайшее. Сравнительно недавно было несколько знатоков — Н. П. Чулков, А. А. Сиверс, И. М. Картавцев. Сейчас трудно кого можно назвать, кроме Ю. Б. Шмарова».

Когда-то, лет семьдесят тому назад, была у Шмаровых большая полная семья. Там, под Тамбовом, куда приезжал мальчишкой Юрий Борисович, частенько, после обеда, в летний жар, располагались на прохладной веранде все. Разговаривали о том о сем — хорошо и спокойно. Но вот говорил загадочный, славный дед Михаил: «Прине-

сите-ка сундучок...» И замирало сердце, и с нетерпением ожидался заветный сундучок. Приносили большую, старого дерева шкатулку, вынимался ключик с брелоками, чуть поворачивался в мелкой скважине, и извлекались с предосторожностями сокровища. И орден за турецкую кампанию, и рескрипты, и суворовские знаки отличия, и павловские грамоты с большими красными восковыми печатями, и письма семейные — вся слава и неудачи, все счастливые и горькие времена долгой трехсотлетней семьи Шмаровых. Извлекаемые из волшебной шкатулки реликвии сопровождались рассказами, помногу уже говореными, и все равно пели каждый раз на старой веранде медные военные трубы и разворачивались на горячем севастьяпольском ветру боевые знамена.

Юрий Борисович считает, что тогда все и случилось. Прошедшее вызывалось, возрождалось, обретало живую плоть, цвета, запахи и осязаемость людских отношений, давно, казалось, исчезнувших. Их незримые нити тянулись от человека к человеку, от семьи к семье, из поколений в поколения, из разных времен в сегодня, связывая, объединяя все в одно коловращение, именуемое бытием, национальной историей. Появилось главное, без чего не мыслится деятельность историка и вообще достоинство человека, — уважение к прошлому и стремление сохранить и постичь его.

В 1923 году в Москве усилиями энтузиастов, историков и искусствоведов образовалось «Общество изучения русской усадьбы». Среди имен видных тогда деятелей культуры Н. П. Чулкова, А. Н. Греча, В. В. Згура, М. А. Ильина, членов этого общества, было имя и двадцатипятилетнего Ю. Б. Шмарова.

Вот две книги — прекрасно изданный сегодня двухтомник «Памятники архитектуры Московской области» и маленькая, отпечатанная на пожелтевшей бумаге тиражом 1000 экземпляров книжка «Памятники усадебного искусства. Московский уезд», ОИРУ, 1928 год, Москва. Трудно представить, что фундаментальный энциклопедический справочник, по существу, возник из этой тоненькой книжечки. А как далась эта книжечка ее авторам! Взгляни карту Московского уезда, разбей ее на квадраты, разделили их между собой и по воскресеньям без электричек и автобусов — их тогда не было — выхаживали пешком, узнавали, отыскивали, обмеряли, описывали. Зарплату за это не получали. Да и отпечатали эту тысячу трудных, но чудесных книжек на свои деньги.

Тогда же стали заполняться Ю. Б. Шмаровым первые папки генеалогическими схемами, сведениями и подробностями о людях и временах, портретами — возникла наша история, но не в фактах и цифрах, а в судьбах людей, в личных судьбах русских. Появились и книги.

Сегодня их, книг по русской истории, от редчайшей «Бархатной книги», изданной Новиковым, и десятилетнего «Гербовника» до опубликованных нынче научных монографий более трех тысяч томов.

Знания, которыми обладает Шмаров, уникальны. Они приобретались по крупицам долгими годами из тысяч источников и практикой собирателя, изыскателя, наблюдателя.

Шмарова знают многие, кто так или иначе занимается историей. Режиссер киностудии «Центрнаучфильм» Вячеслав Сергеевич Лопатин, историк в, так сказать, прикладном смысле, ибо снимает исторические научно-популярные фильмы, рассказал такой случай. Снимался фильм о декабристах «Первенцы свободы», и авторы решили воссоздать на экране портреты молодых участников восстания такими, какими они были до 14 декабря. Портреты собирали повсюду — в Эрмитаже, в Литературном музее, в Историческом музее. Два из них — поясной портрет Иосифа Поджио и портрет Александра Ивановича

Одоевского — вызывали сомнения. Пошли в рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Его научный сотрудник В. Г. Зиминая сказала: лучше, чем Шмаров, вас никто проконсультировать не сможет.

В особняке на улице Рылеева хозяин, развернув портреты, сразу же спросил:

— А в каком полку служил Иосиф Поджио?

— Кажется, в Преображенском...

— Правильно. И вы думаете, что офицер Преображенского полка мог позировать художнику в гусарской форме?

— А этот?

— И это не Одоевский. Ведь он был конногвардейцем, и кираса у него должна быть черная, а не золотая. И, пожалуйста, будьте осторожны. Старайтесь, чтобы ваши декабристы не получились такими же, как в фильме «Звезда пленительного счастья».

— А какие они в этом фильме?

— Странные. Награжденные орденами, которых никогда не имели, и лишенные тех, которыми обладали. Видимо, украсили их для экрана из изящного расчета. А ведь это не шутки, за плечами многих участников восстания столетия 1812 год...

Своеобразные знания Шмарова требовали общения с другими людьми, с единомышленниками. Стал нужен клуб. Так Юрий Борисович стал бессменным научным секретарем историко-краеведческого кружка Ленинского района при Всероссийском обществе охраны памятников. Каждую пятницу на Патристской улице в одном из домов собирается человек двадцать. Каждую пятницу можно позвонить в дверь, пройти через сени, где кипит на плите обязательный чайник и подготовлен на блюде нарезанный лимон, и попасть в большую комнату, собравшую друзей.

Есть у них заветная мечта — закончить уже начатую полную историю Кропоткинской улицы. Даже неизданная, эта работа будет нужнейшим материалом и пособием для историков, архитекторов, искусствоведов.

А регулярно, приблизительно раз в месяц, устраиваются клубные чтения — доклады и сообщения, касающиеся истории и культуры района, истории и культуры Москвы. Темы самые разные: и «История Пречистенских рабочих курсов», и «История дома Бутурлина», и «Рассказ о Гоголевском бульваре», и «Шалашин в Зачатьевском переулке», и «Радищев, Фонвизин и Рокотов в Москве», и «Вахтангов и Арбат», и «Жизнь декабриста Батенькова».

Мне довелось быть на одном из таких собраний. Речь шла о знаменитом собрании книг А. П. Бахрушина. Небольшое помещение городской библиотеки № 26 имени Горького было наполнено до отказа.

Рассказчик, историк Александр Павлович Линьков, невысокий седобородый человек, говорил о Бахрушине пристрастно, с той теплотой и житейскими подробностями, с какими можно говорить только о своих родных и близких, о тех, с кем ты накоротке. Он передавал свои симпатии слушателям, и казалось, что вот-вот Алексей Петрович Бахрушин выйдет из боковой двери и, потирая свои большие, пухлые руки, скажет: «Ну-с, дорогие гости, а теперь мне хочется показать вам...»

Потом мы шли с Юрием Борисовичем через Кропоткинскую улицу и Хрущевский переулок до сидеть и договорить вечер в знакомом особняке.

Когда мы подходили, его окна светились в темноте.

Л. Бродская. Род. 1910. НОЧНОЙ ТУМАН. 1973.

ХІІІ выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Х. Якупов. Род. 1919. ХОЛОДНОЕ УТРО. 1975.

ХІІІ выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Н. АЛЕКСЕЕВА

ДИАЛОГ ТЕАТРА СО ЗРИТЕЛЕМ

Актер, если он настоящий актер, ищет театр. Именно тот свой театр, где он может раскрыть все грани таланта; влиться в актерский ансамбль и дополнить собственным дарованием; впитать традиции и отдать театру всего себя без остатка.

Не все находят сразу. Но находят. И тому есть множество примеров. Мне же хочется привести только один.

Юрию Ветрову приходилось работать и в республиканском театре на Украине и в областном — на Дальнем Востоке... И вот актерская судьба привела его одиннадцать лет назад на юг России, в Таганрог, в Государственный драматический театр имени Чехова... Молодой актер впервые попал в театр городского (а не областного) значения и поначалу думал, что он здесь долго не задержится.

Читатель, наверное, уже догадался, что Юрий Ветров остался в Таганроге и работает по сей день. Ему посчастливилось: он нашел свой театр. Так же, как и другие «чеховцы»: В. Гармашов, А. Ионов, Е. Хакало, С. Ливада, В. Назаров, — не говоря уж о коренной москвичке Ольге Николаевне Воробьевой, пришедшей в театр после ГИТИСа, в 1944 году, и успешно сыгравшей за это время около двухсот ролей.

Всех актеров, в разное время появившихся на здешней сцене, одинаково привлекали единство и, кроме того, разноликость, разносторонность актерского ансамбля. Возможность — основанная на взаимном доверии и требовательности режиссера и актера — испытать себя в самых непохожих ролях, выявить все свои творческие ресурсы.

Конечно, жизнь городского театра нелегка. Извечная проблема нехватки зрителя в небольших городах усложняет работу труппы, требуя от нее многого: постоянных гастрольных выездов, не менее десяти премьер в год, — при минимальном количестве репетиций... Нередки случаи бегства актеров, не выдерживающих в городских театрах такой нагрузки... На следующий сезон приходят другие. И тут возникает еще одна проблема, жилищная, разрешить которую местное руководство не всегда в силах. Немалое время актерам приходится жить в гостиницах и общежитиях; проработав так сезон-другой, иные тоже уходят. Однако в любом городском театре существует основное ядро труппы: те преданные искусству и своей сцене люди, которые и рождают это нескончаемое ежедневное чудо — Театр.

Таганрожцев тоже не миновали все эти трудности. Тем не менее в нынешнем году они открыли свой сто пятидесятый сезон и по-

лучили высокую награду страны: орден «Знак Почета». Заметим, что театр имени Чехова — первый и пока единственный в стране городской театр-орденоносец.

И сам Таганрог, где чуть ли не каждая, самая малая улочка напоминает о Чехове; и старинные стены театрального здания, хранящие память о живом писателе, любившем и почитавшем свой театр; и, наконец, имя великого земляка, присвоенное театру в 1944 году, — все это во многом способствовало формированию творческого лица чеховского коллектива. Каждый спектакль, созданный здесь, пронизан светлым чеховским гуманизмом, возвышенной любовью к человеку, в котором все должно быть прекрасным, не допуская места пошлости, обывательщины, равнодушию...

— В постановках современных, обращенных к людям и дням сегодняшним, нам хотелось бы говорить как можно больше о добре, о человечности, — сказал мне старейший режиссер театра Б. О. Потик. — Мы верны традициям Чехова, Горького, Островского. Воссоздавая самые, кажется, безысходные жизненные ситуации, они искали и находили лучшее в героях, боролись со злом, а не просто «констатировали недостатки», как нынче бывает в иных произведениях...

Что касается классики, — продолжал Борис Осипович, — то сейчас ее нередко «осовременивают» чисто формальными, привнесенными извне приемами, запутывающими зрителя и усложняющими восприятие гуманного содержания. А на наш взгляд,

поистине осовременить — значит прежде всего глубоко понять автора, докопаться до заветной мысли... Правду характера, искренность переживаний, думаю, не заменишь никакими внешними эффектами.

...В один субботний вечер театр повез в рыболовецкий совхоз спектакль «Невольницы» А. Н. Островского. Актеры волновались. В этот вечер по телевизору шла очередная серия приключенческого фильма, от которого обычно бывает трудно оторвать детей и родителей (да-да, это тоже стало проблемой для театра!). Спектакль был обращен к дням, давно минувшим, и совсем уж «несовременными» были его три действия (сейчас ведь многие театры любую пьесу стараются «уложить» в два).

Но большой зал нового Дворца культуры был полон. Зрители, самые разные, молодые и пожилые, девушки в брюках и старушки в платочках — все с большим интересом отнеслись к истории героини, которая, если коротко пересказать сюжет, при старом муже полюбила молодого красавчика, а тот оказался вовсе не достоин ее чувства.

Называется пьеса «комедией». А зал был серьезен... Режиссер спектакля А. Аршавский (он же актер театра), как и все участники постановки, увидел и сумел передать трагедию женской души, цельной и пылкой. Евлалия в исполнении Н. Ермаковой слепа в любви, или, вернее, в стремлении отстоять свое право быть человеком, а не просто украшением богатых апартаментов мужа. Но,

вымаливая ответное чувство Мулина, Евлалия как бы возвышается над всем бездушным, безжизненным-вялым мирком, над тем же Мулиным, который сыгран молодым актером А. Топольсковым так, что становится ясно: это отнюдь не романтический герой. Это просто купчик, как и остальные, расторопно прикидывающий, как бы не промахнуться, урвать кусок побольше... Хитрый, достаточно умный, он даже не утруждает себя притворством, не делает вид, что любит жену своего хозяина. Кажется, он понимает, что не сам он «предмет страсти» Евлалии, а ее желание, так и не сбывшееся, найти родную, близкую душу...

Глубокое проникновение в драматургию свойственно театру имени Чехова не только в работе с классикой, представленной в репертуаре «Последними» Горького, «Чайкой» Чехова (к московским гастролем готовится и «Дядя Ваня»), «Слугой двух господ» Гольдони и другими спектаклями, но и в постановке современных пьес. Театр и здесь ищет наиболее точное и тонкое сценическое выражение авторской мысли, акцентируя то, что более всего волнует людей сегодня, призывая их к созерцанию. Недаром после спектаклей зрители нередко остаются в зале, чтобы обсудить и оценить работу коллектива. Так, к примеру, обсуждался спектакль «Последняя инстанция» Н. Матуковского в постановке Б. Потика.

В семье несчастье: сын убил человека. Кто же виноват? Почему один человек добр и честен, а другой растет эгоистичным и черствым?... Правы ли отцы, досадливо отмахивающиеся от вопросов детей, не признающие за ними самостоятельности, не замечающие, что дети давно выросли... Много нравственных, философских проблем затрагивает спектакль, пытаясь решить их именно вместе со зрителем.

Вообще для Таганрога, о котором давно и справедливо говорят как о городе высокой театральной культуры, характерен постоянный, если так можно выразиться, диалог театра со зрителем. Все последние спектакли, особенно по пьесам современных авторов, обсуждались с рабочими комбайнового и металлургического объединения «Красный котельщик», студентами и хлебобулочными... В колхоз «Красный партизан», с которым чеховцы заключили договор о дружбе, театр всегда в первую очередь вывозит все свои премьеры. С участием труппы в городе возникло семь народных театров.

«Я рад за Таганрог... там любят театр и понимают», — писал когда-то Чехов.

Слова эти можно повторить и сегодня.

«Чайка». Т. Беленко в роли Маши и Е. Хакало — Нина.

В июне 1937 года весь мир рукоплескал советским летчикам Валерию Чкалову, Георгию Байдукову, Александру Белякову, которые на самолете АНТ-25 совершили невиданный в истории человечества бросок через Северный полюс и Полюс недоступности из Москвы на американский континент.

Два года назад обычный пассажирский самолет Аэрофлота ИЛ-62М повторил полет по чкаловскому маршруту. На его борту находились участники героическо-

инга» некоторые детали. Но сегодня приехал только для того, чтобы поговорить с русскими. Потом с улыбкой пояснил: «Я ведь, можно сказать, ученик путиловского кузнеца. Его выучка помогла мне преуспеть в делах».

...Дед и бабушка мистера Спринга — русские эмигранты. А он родился в штате Вашингтон. Мальчик рано осиротел и воспитывался у родственника, который имел небольшую кузнечную мастерскую. В каникулы Элик работал в этой мастерской подручным кузнеца, а по окончании колледжа уехал в Детройт. Только устроился на автомобильный завод Форда, как подвалило счастье: администрация предложила командировку в Советский Союз. В Ленинграде начиналось производство первых отечественных тракторов, и для этого у Форда закупили оборудование. Фирме следовало его на месте смонтировать и помочь ускорить выпуск «фордзонов».

— Я хорошо говорил по-русски, — рассказывает мистер

Спринг, — и меня взяли переводчиком. Завод, куда мы приехали, назывался «Красный путиловец». Меня прикрепили к кузнечному цеху. Кроме американцев, здесь были немецкие и французские мастера. Видимо, их фирмы тоже поставляли какое-то оборудование. Всех нас русские называли «инспециалистами».

В нашем цехе на самой обычной наковальне пожилой кузнец исправлял и закалял инструмент, выполнял сложные ковки по инженерным чертежам. Кузнеца все уважительно называли Спиридоном.

Однажды у Спиридоныча в сервисе смены заболел подручный, а работа была срочная. У меня же как раз вышло свободное время. Я предложил свои услуги, а он спрашивает: «Молоток-то в руках держал?» Отвечаю: «Держал». «Ну, тогда надевай фартук».

Работал Спиридоныч, как настоящий артист, — быстро, изящно, точно.

Среди «инспециалистов» тоже нашлись отличные кузнецы. Лучшим по праву считался немец Пауль Герберт. Однажды он вызвал Спиридоныча на соревнова-

ние: кто быстрее из инструментальной стали откует бритву и лучше закалит ее.

В обеденный перерыв возле двух наковален, установленных рядом, собрался весь цех, пришли зрители и из других цехов. Судьей избрали мастера, француза. По его команде кузнецы выхватили из горна раскаленные добела стальные прутья, и состязание началось. Оба мастера одновременно отковали бритвы, одновременно их закалили и положили на свои наковальни.

Тогда судья взял и бритвой, сделанной немцем, с силой рубанул по бритве Спиридоныча. На немецкой осталась зарубина, а на русской — нет!..

С тех пор всегда, как только Спиридоныч начинал закалять инструмент, Пауль Герберт да и другие кузнецы-иностранцы приходили смотреть на его работу. «Учитесь, учитесь!» — добродушно усмехался Спиридоныч. — Выходит, теперь я для вас инспециалист».

Однажды я ему намекнул, что,

витаем техники в Советском Союзе. Ваши открытия и изобретения весьма ценны. На одном своем предприятии я использую для отливки алюминия советские электромагнитные плавильные печи.

Жизнь показывает, что экономическое сотрудничество между нашими странами не только возможно, но и обоюдополезно. Нам надо жить, как добрым соседям: понимать друг друга, доверять друг другу и не вмешиваться во внутренние дела.

Прощаясь, мистер Спринг сказал: «Недавно по делам я был в штатах Кентукки и Миссури. Там на полях видел, как работают советские тракторы «Беларусь». Фермеры их хвалят. Путиловский кузнец оказался прав».

ТАЛИСМАН МИСТЕРА ХИГАНСА

На открытии мемориала мы с удивлением обнаружили, что американцы бережно хранят самые различные «чкаловские» сувениры. Поэтому, увидев у мистера Хиганса старую открытку с фото-

РУКОПОЖАТИЕ ЧЕРЕЗ ПОЛЮС

В. Чкалов, А. Беляков, Г. Байдуков в Портленде
Фото публикуется впервые.

го перелета Г. Байдуков, А. Беляков, сын Валерия Чкалова Игорь Чкалов и мы — советские журналисты. Делегация была приглашена на открытие в городе Ванкувере мемориала, посвященного подвигу советских летчиков. Открытие его и сердечный прием, оказанный делегации, свидетельствуют, что дружеские чувства к русским имеют в США глубокие корни. Об этом мне говорили многие американцы.

УЧЕНИК ПУТИЛОВСКОГО КУЗНЕЦА

Небольшой аэродром Ванкувера, на который приземлился АНТ-25, не мог принять наш ИЛ-62М. Поэтому знакомство с Америкой для нас началось с города Сизтла. Сизтл — центр самолетостроения, и делегация получила любезное приглашение посетить завод, где производятся самые большие в мире пассажирские лайнеры «Боинг-747».

Здесь со мной заговорил по-русски пожилой, но еще крепкий мужчина, сказал, что его зовут Элик Спринг. Он владелец фирмы, которая поставляет для «Бо-

обучая людей сталь закалять, он может хороший бизнес сделать, много денег заработать. А Спиридоныч вдруг рассердился, назвал меня «мистером», чего обычно не делал, и сказал, что я есть темный продукт капитализма!

Секрета из своих знаний он так и не стал делать. Меня обучил совершенно бесплатно... А через год, выполнив задание фирмы, мы собрались на родину. Мистер Спиридоныч, проводив меня до ворот цеха, без улыбки пообещал: «Еще увидишь советские тракторы на ваших полях, покупать их у нас станете...»

В Штатах меня ждали перемены. Родственник умер, оставив в наследство кузнечную мастерскую. И тут я воспользовался знаниями, полученными от путиловского кузнеца. Инструменты, изготовленные в моей мастерской, охотно покупали. Дело пошло в гору и скоро крепко стало на ноги.

Сейчас я, как и подавляющее большинство американцев, искренне приветствую политику разрядки напряженности и укрепления сотрудничества между США и СССР. Это выгодно обоим странам. Я внимательно слежу за раз-

графиями советских летчиков, выпущенную в США в 1937 году, я сказал: «Сувенир!» «Нет, — возразил мистер Хиганс, — талисман». И показал на обороте надпись, сделанную круглым девиным почерком: «Мы тебя любим и ждем. 20 июня 1942 года», — и адрес: «Мурманск, ул. Ленина, 23, эвакугоспиталь 26113».

Джон Хиганс родился в Нью-Йорке. Его мать приехала в Америку из Костомы, и Джон хорошо говорит по-русски. Однако, рассказывая о своем талисмане, так волновался, что постоянно путал русские и английские слова.

...Война сделала студента Джона Хиганса морским артиллеристом. Его зачислили в расчет зенитного орудия, какими тогда американцы вооружили свои транспорты, доставлявшие военные грузы в Мурманск. Тихоходные транспорты следовали под охраной крейсеров и эсминцев. А в Баренцевом море конвой усилили советские сторожевые корабли.

Артиллеристы мерзли на пронизывающем ветру возле своей пушки, когда их транспорт атаковала немецкая подводная лодка. Хиганс с ужасом увидел торпеду, которая, оставшая за собой светлый пузырчатый след, несла неотвратимую гибель. Но тут советский сторожевой корабль рванул вперед и своим бортом прикрыв транспорт от торпедного удара. Блеснуло пламя, тяжело грохнул взрыв, и сторожевик, разломившись пополам, вместе с командой исчез под волнами. Подводную лодку корабли охраны сбрасывали глубинными бомбами, а Джон Хиганс и его

товарищи стояли, обнажив головы, потрясенные героизмом советских моряков.

А потом последовала команда: «Справа по борту самолеты противника! Огонь!» Пушки всех калибров стали стрелять, и небо закрыли разрывы снарядов. А самолеты с боем пикировали на конвой, сбрасывая бомбы, поливая транспорты свинцовым дождем. Джон увидел, как от их снаряда загорелся «юнкерс», но обрадоваться не успел. Словно тяжелая палка ударила по животу, и он потерял сознание. По прибытии в Мурманск Хиганс вместе с другими ранеными поместили в советский госпиталь. Здесь его и свела судьба с хирургической сестрой Валей Акуловой, до войны учившейся в Ленинградском медицинском институте.

— Валя не была красавицей, — говорил мистер Хиганс. — Она походила на летний день, какие изредка выпадают у нас на побережье Гудзона, — не солнечный и жаркий, а теплый, приятный, когда легко дышится и хорошо на душе. Тоненькая, на вид хрупкая, Валя могла работать сутками и при этом всегда оставаться спокойной, приветливой, веселой. Первый раз увидел ее слезы, когда пришло известие, что отец и мать Акуловы умерли от голода в блокадном Ленинграде. Валя тогда сказала: «Вот я и осталась одна». «Нет! — возразил я. — Нас двое! Пе-

лили в расчет зенитного орудия. Наступил час прощания. Погода была ветреная, сырая. Мы с Валей укрылись за какими-то ящиками. Я взял ее за руку и повторил, что вся моя жизнь без остатка принадлежит ей, что нас двое, а двоим, которые любят друг друга, ничего не страшно. А Валя ко мне прижалась и сказала, что нас теперь трое, что у нее будет ребенок. А потом захотела написать мне несколько слов на память.

Когда я уходил на войну, то взял из дома любимый мамин сувенир — открытку с русскими летчиками. Вот ее я и дал Вале. Она написала на обороте то, что вы прочитали, и сказала: «Это будет твоя охранная грамота. С ней тебя не убьют и ты не утонешь в море, а вернешься к нам». Говорила с улыбкой, вроде шутя, а для меня открытка стала настоящим талисманом.

Возвратившись с конвоем домой, я получил краткосрочный отпуск. Приехал в Нью-Йорк к родителям, сказал, что в Мурманске женился, что скоро они станут дедушкой и бабушкой. Родители не возражали, только потребовали, чтобы во время войны моя семья жила вместе с ними. Отец сказал, что все хлопоты по переезду берет на себя.

Через три месяца, с очередным конвоем, я снова пришел в Мурманск. Как только начальство разрешило, побегал на улицу Ленина. Город стал неузнаваем: немецкая

шпиль, а вдали виднелся конус Везувия.

— Это со мной навигатор Владимир Рощенко, — пояснил Овенс. Штурмана Владимира Федоровича Рощенко я знал. Собственно, в годы войны его знала вся наша Авиация Дальнего Действия. Он совершил триста боевых вылетов, был награжден многими орденами и медалями, удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Владимир Федорович после войны летал штурманом на международных линиях Аэрофлота, иногда бывал в Нью-Йорке и Вашингтоне, посетил США в составе делегации советских ветеранов войны.

Все это я сказал мистеру Овенсу и спросил, как он познакомился с Рощенко.

— В войну я был командиром бомбардировщика — «летающей крепости», — ответил он, — и участвовал в челночных полетах на сверхдальние цели. Поражая их, мы на свои аэродромы в Италии уже возвращались не могли, а до советских горячего хватало. На обратном пути в Италию мы снова бомбили противника. Вот и летали, как челнок: туда — обратно...

Выполнив первый такой полет, мы сели на советский аэродром. Русские нас приняли по-братски. Но мы, видимо, привели за собой немецкого разведчика, и ночью налетели «юнкерсы». Началась бомбежка. Я побежал в укрытие. Недалеко рванула бомба. Споткнулся о какую-то проволоку, запутался в ней, упал и не смог сразу подняться. Слышу, кто-то кричит: «Микола, спасай союзника!» Здоровенный солдат подхватил меня, как ребенка, на руки и спрыгнул в укрытие. Я поблагодарил, но сказал, что не ранен и сам бы добежал. Микола очень удивился, что «союзник» знает русский язык. Пришлось рассказать, что мои дед и бабка в 1909 году приехали в Америку из России.

На обратном пути в Италию наши «крепости» должны были бомбить нефтепромыслы. Русские эту цель уже не раз атаковали и системе ПВО противника знали хорошо. Поэтому со мной полетел советский офицер — навигатор Владимир Рощенко, временно прикомандированный к группе наших «крепостей».

Рощенко вывел нас на цель самым безопасным маршрутом. Но зенитный огонь все же оказался очень сильным. Тут я убедился, что советский офицер смел и хладнокровен. Когда наша «крепость» легла на боевой курс, большой осколок пробил фюзеляж рядом с Рощенко. А он даже не повернул головы, спокойно продолжая работать. Оставив за собой разрушенные, обвешанные нефтяными прожорами, мы полетели в Италию. В районе города Секешфехервара нас атаковали фашистские истребители. И опять русский навигатор вел себя как настоящий солдат. На итальянский аэродром Фоджа наша группа бомбардировщиков пришла без потерь.

Вот как я познакомился с Рощенко, таким был первый боевой вылет нашего смешанного американо-советского экипажа.

— А фотография, почему она памятная? — спросил я.

— Рощенко летал с нами почти два месяца, — рассказал Овенс. —

Он оказался не только отличным навигатором, но и хорошим пилотом. Мы перебазировались из Фоджи на аэродром Неаполя, и я получил задание на разведку кораблей противника в море. Наше командование разрешило Рощенко познакомиться с различными видами боевой работы американской авиации, и он полетел со мной.

Утро было солнечное, ясное. Однако скоро по небу поползли низкие серые тучи, а море затянулось пеленой тумана. Я решил возвращаться домой. Но тут туман, словно по волшебству, рассеялся, и мы увидели фашистские корабли. Они открыли огонь. Мы летели на высоте всего восьмисот футов, и огонь сразу стал прицельным. Загорелся мотор. Второй пилот был ранен осколком и потерял сознание. Я скользнул на крыло, сбил пламя и, прижавшись к самой воде, ушел от кораблей. На место раненого сел навигатор Рощенко.

Самолет был сильно поврежден, но из четырех двигателей три работали, и мы кое-как дотянули до Неаполя. Когда стали выпускать шасси, вышла только одна «нога». В таких случаях, по нашим инструкциям, экипажу следует прибегнуть к парашютам. Но на борту у нас был раненый. Поэтому я командовал: «Всем оставить самолет!» А сам решил попробовать посадить машину.

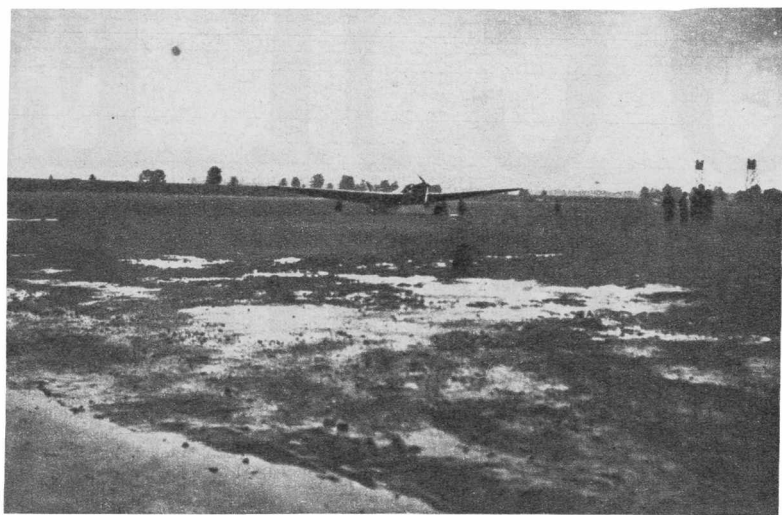
Все команду выполнили, кроме навигатора Рощенко. Говорю ему: «Ты что, оглох? Прыгай». А он отвечает: «Одному такой поврежденный самолет не посадить. Буду тебе помогать!» Кричу ему: «Прыгай, приказываю!» А он шутит: «Я — великая союзная держава! Подчиняюсь только советскому командованию!»

Спорить было некогда. Так вдвоем, очень осторожно, мы и посадили благополучно нашу израненную «крепость», спасли жизнь второму пилоту. А потом поехали в Неаполь, в бар «Четыре туза». Выпили за солдатскую дружбу и сфотографировались на фоне Везувия — в память о посадке на одно колесо.

Братство по оружию с русскими авиаторами я никогда не забываю, как и все американские пилоты — участники второй мировой войны. Нам надо дружить и в мирное время. Мы живем на одной планете, и у всех у нас есть дети. У меня, например, их девять своих и четверо приемных. Две девочки-корейки и два мальчика: мексиканец и бразилец. Теперь они все взрослые, живут очень дружно, и нельзя допустить, чтобы им, как отцу, пришлось воевать. Надо, чтоб разрядка напряженности стала необратимой.

Билл Овенс бережно сохранил памятную фотографию и поднял бокал за братство американских и советских пилотов, за их удачные полеты, за то, чтобы они никогда не стали боевыми вылетами. Прощаясь со мной, он просил передать сердечный привет навигатору Рощенко.

...После приема пилоты-ветераны еще раз посетили первый памятник, воздвигнутый советским людям на американской земле. Героический перелет чкаловского экипажа, совершенный сорок лет назад, помнят здесь и как беспримерный подвиг наших авиаторов и как дружеское рукопожатие через полосу двух великих народов.

Самолет «АНТ-25» на аэродроме в Ванкувере.

Фото публикуется впервые.

ред богом и людьми мы муж и жена. Жизнь моряка в войну немногостойт, но она вся принадлежит тебе».

Еще до этого разговора я ходил к американскому консулу, чтобы официально оформить наш брак. Консул обещал помочь, но предупредил, что в войну это сложно и потребует много времени. Я же совсем поправился и должен был вернуться на службу. Ждал только прибытия американских транспортов, а они, к моему счастью, задерживались. Это позволило мне лучше узнать и больше полюбить свою жену, научиться уважать ее народ.

В квартире вместе с Валей жила еще одна семья. Муж, жена с сынишкой, мальчиком лет тринадцати, — все работали на судоремонтном заводе. Уходили рано утром, возвращались поздно вечером. Плохо одетые, часто голодные, они работали как одержимые и никогда не жаловались на усталость, на тяжелую жизнь. Муж заболел, но все равно ходил на работу. Я ему говорю, что так можно навсегда испортить здоровье. А он смеется: «В драке волос не жалеть».

Тогда я понял, что лозунг «Все для фронта, все для победы», который в Мурманске можно было увидеть повсюду, не просто слова. Я, американец, стал гордиться, что моя мать и жена — русские женщины. И добрые чувства к русским сохранил на всю жизнь.

Наконец американские транспорты прибыли. По дороге конвой понес потери, и меня сразу зачис-

авиация бомбила его жестоко и много раз. Здание, в котором помещался госпиталь, лежало в развалинах. Пошел на Валину квартиру, но весь их квартал сгорел дотла, дома-то были деревянные. Наконец, в военной комендатуре узнал, куда переехал госпиталь. Хирург, который меня лечил, рассказал, что медсестра Валентина Акулова погибла, спасая из горящего здания раненых. Посмертно награждена орденом. Похоронена в братской могиле.

Валин талисман сохранил меня в сражениях, принес удачу в делах. Счастье на мою долю выпало большое, но короткое. Вторично я не женился: сердце свое оставил в России. И теперь я надеюсь поехать в Мурманск, поклониться братской могиле, в которой похоронена и моя семья.

ПРИВЕТ

НАВИГАТОРУ РОЩЕНКО!

Клуб пилотов-ветеранов находится на краю летного поля портлендского аэропорта. Здесь, на приеме в честь советских гостей, прибывших на открытие чкаловского мемориала, я познакомился с мистером Биллом Овенсом. Узнав, что во время войны мне довелось служить в Авиации Дальнего Действия, он показал памятную фотографию: американский и советский летчики стояли обня-

В пять Вера Петровна задержала Любу на работе. Часа два они провозились, а в начале августа дни уже заметно укорачиваются, и домой Люба пришла, когда в комнатах стемнело.

В кухне стояла немытая посуда, постель Володи с утра не прибрана, сам где-то во дворе. И без того на душе тошно, а уж если в квартире грязь, так впору удавиться. Люба принялась наводить порядок. Она любила работу и даже самую грязную умела делать быстро и красиво. Пока кипели щи да жарилась картошка, Люба передела полы в кухне и в ванной, убрала с дивана Володину одежду. В комнатах было чисто, но Люба каждый день протирала шкаф и сервант шерстяной тряпкой. Поэтому мебель у нее была как новая и книги в стеклянном шкафу так и блестели переплетами.

Раньше, когда Виктор жил дома, Люба заставляла его обертывать книгу газетой, потому что читал он неаккуратно и даже мог засыпать страницы пеплом от сигарет. Сейчас книги стояли плотно в рядочек. И вдруг Люба увидела в верхнем ряду дыру! Первая мысль была, что без нее приходил Виктор. Потом пригляделась, разобралась, какой не хватает. Оказалось — первого тома сказок из «Тысячи и одной ночи». Второй том на месте, а первого нет. Издание академии, с цветными рисунками. Эту книгу сейчас ни за какие деньги не купить.

Люба посмотрела у Володи на столике, посмотрела в ранце, накапала себе валериановых капель и немного полежала, чтобы успокоиться. Потом поднялась, оделась, вышла к подъезду и села на лавочке возле пенсионерок, которых считала бездельницами и сплетницами. Посидела она не больше пяти минут — появился ее Володечка, растрепанный, потный, на сандаликах, которые Люба купила неделю назад, уже все носки сбиты. В футбол гонял.

Люба схватила сына за руку:

— Куда ты книгу дел?

— Какую еще книгу?

А сам в глаза не смотрит. Знает!

Пенсионерки на лавочке примолкли. Любопытно им.

Люба вывела сына на улицу.

— Где книга?

— Товарищу дал почитать.

Вылитый отец! Того тоже всю жизнь товарищи обирали.

— Веди меня к товарищу.

— Не надо, мам, он завтра отдаст... Честное слово...

— Веди к товарищу!

— Мамочка, милая, не надо...

Потом заплакал:

— Я туда не пойду... не могу я...

— Я сама пойду. Ты только адрес скажи.

— Мамочка, я сейчас же принесу!

Но Люба, не выпуская маленькой жесткой руки сына, заставила его указать дом, сказать, какой этаж, какая квартира. И позвонила. Звонил красиво тельняшник, дверь открыл мужчина, еще молодой, в джинсах и клетчатой рубашке.

Люба сказала:

— Извиняюсь, мне вашего мальчика нужно.

— Пожалуйста. — Мужчина позвал: — Славка!

Вышел мальчик. Володечкин ровесник. Люба попросила мужчину:

— Вы уж, пожалуйста, не уходите от этого разговора. Вам, как родителю, нужно послушать.

Мужчина пригласил войти в комнату, но Люба отказалась, сразу же обратилась к мальчику:

— Ты книгу у Володи Онина брал?

Тот не стал записываться:

— Арабские сказки взял.

— А ты знаешь, какая это дорогая книга? Как ты мог без разрешения Володиных родителей ее из дома унести?

Мальчик нисколько не смутился.

— Я только почитать взял.

— А вам я прямо-таки удивляюсь, — обернулась Люба к Славкиному отцу. — Вы видите, что у вашего сына такая ценная книга, и не поинтересовались, где он ее взял!

— В самом деле, — огорченно сказал мужчина, — совсем неподходящее чтение для детей. Загруженность, знаете. Вот только что с работы, а жены до сих пор дома нет. Конечно, им надо адаптированное издание. Академическое на этот возраст не рассчитано.

Люба решила, что он над ней смеется. Для кого же сказки печатают, как не для детей? Люба очень хорошо понимала, когда ей что-нибудь в насмешку скажут. Но тут мальчик вынес книгу, а это для нее было главное.

Мужчина еще извинялся, тоже, может быть,

дать, побоялась скандала. Он все одно: «Постыдись! Я ведь нитки из дома не взял». Ей еще стыдиться! Сам бросил семью, такую травму ребенку нанес, что Володечка учиться плохо стал, ей жизнь разбил. А за что? Нет, если разобраться? Сама аккуратная, дома порядок, на работе ее одобряют. Чего не хватало? «Я, — говорит, — с тобой, как в предбаннике, живу». Это про отдельную двухкомнатную квартиру. Один румынский шкаф сто двадцать рублей стоит, сейчас, говорят, они еще подорожали. Сервантик чешский. Ну, диван старый, клеенчатый, так и то можно было софу купить. Со временем. Вот Люба округлит сумму на сберкнижке, потом будет на софу откладывать.

Она встала в дверях кладовочки, где возилась Онин. Уж пускай одним разом забирает свои штативы, аппараты, усилители. А то будет за ними ходить да каждый раз нервы мотать. Сердце же не выдерживает все это терпеть да любезно молчать. Но все советуют — терпи. Гадалка сказала: «Не обижай его злым словом». Раньше-то она его не обижала. Уходил с утра до ночи — верила, дура, что на работе задерживают. В командировки ездил, в дома отдыха по два раза в год — за вредность буд-

ПОСЛЕ РАЗВОДА

в насмешку, но Люба уже отошла душой и не сердилась.

Дома Володечка лежал на диване лицом к стенке. Шей есть не стал и разговаривать с матерью не хотел.

— Смотри ты у меня. Я, как одинокая мать, тебя в два счета в интернат определяю!

Думаете, испугался?

— Я к папе жить пойду... Я с тобой не хочу...

— Очень ты ему нужен. Там его баба тебя, как шайбу в ворота, выбросит!

— Врешь ты все! Он у тети Кати живет. Я знаю.

Конечно, ребенок. Его обмануть легко.

— Эх, дурачок ты, дурачок, — ласково сказала Люба.

* * *

Гадалкам и ворожеям Люба сроду не верила. Даже смеялась над этим невежеством. Но вот так получилось — сама к гадалке пошла.

Сначала как будто помогло — три месяца Онина не было, а тут появился. На другой день после того, как Люба побывала у ворожеи. Пришел, сел, набылчился и молчит.

Володечка только из лагеря подмосковного приехал и, конечно, футбол гонял, не было его дома. Виктор, видать, прямо с работы. Может, рассчитывал пообедать? Ну, это уж извините! Всю жизнь мечтала чужих мужиков кормить! А кто он ей сейчас? Пусть тринадцать лет прожили, а разве ли по суду — и чужой. Чаю, правда, предложила — отказался. Даже не спросил: черт, мол, дьявол, как здоровье? В чулан поперся, как у себя дома. Усилитель какой-то понадобился. А может, он Володечке пригодится, когда мальчик подрастет? Хотела не

то бы. Никогда не проверяла. Да и как проверишь? Туда и по телефону не сразу дозволишься. Когда уже совсем ушел Виктор, добилась она прямого телефона директора. Сказала: «Очень извиняюсь, вы знаете, что ваш сотрудник Онин жену с ребенком бросил? Вы в курсе дела?» Он сперва вроде ничего не понял. «Разрешите, — сказала Люба, — я к вам приду и все объясню». Так он даже испугался: «Нет, нет, меня не касается, обратитесь в общественные организации». Очень обидно было. Конечно, мужчину всегда мужчину защищает. Секретарь парткома у них женщина. Люба решила к ней сходить. Мало ли что разведенные. А Володечка? Это же одни красивые разговоры: «Я ему отец был, есть и останусь». А на деле в лагерь к сыну только один раз съездил! Люба это ему высказала, пока стояла у кладовки.

— Что ты от меня хочешь? Алименты получаешь, это для тебя самое главное.

— Тебе, прохиндею, еще бы и алименты не платить, чтобы твоей новой больше оставалось!

Думала обойтись с ним по-хорошему, но не выдержала. Стала все высказывать, что накопило. А он — в переднюю и молча плащ на себя натягивает.

Тринадцать лет жили, обшивала его, обстирывала, кормила, а теперь ты ему и слова не смей сказать. Унижайся перед ним.

— Погоди, Витя... Ты и Володечку ведь еще не видел, Витя...

Нет, повернулся и ушел.

Люба легла на клеенчатый диван. Спина холодным потом облилась. Чтобы успокоиться, она стала считать, сколько у нее денег. Это всегда приводило ее в равновесие. Три сбер-

книжки. Одна — куда алименты складываются, другая — в своей районной сберкассе, а еще одна — в центре города. Так пришлось раскидать деньги перед разводом. Виктор, хотя ничего про ее сбережения не знал, а все равно Люба боялась, что по закону делить с ним придется. Разметала деньги по разным сберкассам — никто никогда и не узнает, — а для алиментов отдельную завела.

Вся ее жизнь, все труды, все молодые годы — в этих деньгах. Рубль к рублю прикладывала. Ни копейки зря на себя не тратила. Мечта была — до пенсии такую сумму собрать, чтобы в месяц рублей двадцать процентов набегало. Тогда у нее та же зарплата до конца жизни. А умеючи жить — и опять откладывать можно. Пенсионеркой возьмется с чужим ребеночком погулять, по хозяйству помочь. Она зря дома сидеть не будет. У нее руки к работе привычные.

Злые отцовы дети и доучиться не дали, когда мать умерла. Сбагрили девочку приезжим дачникам в домработницы. Не посчитались, что она по отцу им кровной сестрой приходится. Это сейчас Люба им простила: и принимает и угощает. Но зло помнит. Она и добро помнит. Вот, светлая ей память, певица Сарафанова, у нее Люба два года проработала. Присмотрелась она к Любе и говорит:

— Ах ты, такая-растакая, — очень простой человек была и по-простому выражалась, — ты что, думаешь всю жизнь чужие тарелки лизать? В какое ты время живешь? Какие у тебя права сейчас есть!

Устроила она Любу мойщицей в столовую. Но жила Люба по-прежнему у нее. И по хозяйству помогала. А еще время прошло, Сарафанова и говорит:

— Ты себя на работе зарекомендовала с хо-

рошей стороны, теперь иди к начальству и объяви, что я тебя с квартиры гоню и тебе жить негде. Какой-никакой угол дадут. Да ты не реви! Я тебя в жизнь толкаю!

Правда, не сразу, но все по ее словам делалось. Дали Любе жилплощадь. Закуток под лестницей, чуть пошире ванной комнаты. А радовалась больше, чем когда эту двухкомнатную со всеми удобствами получила. Тоже ей, а не Виктору, за хорошую работу ордер вручили. И обставила квартиру Люба на свои сбережения. У нее хоть зарплата небольшая, а почти вся целая остается, потому что доход есть. Редкий день Люба без даровых продуктов домой идет. Бывает, шеф-повар Вера Петровна тихо так скажет: «Останься на часок после работы». Все уйдут — они вдвоем за дело. С головизны щеки поотрезают, пашину два раза через мясорубку прокрутят — приготовят заготовки на котлеты, на голубцы, на бифштексы рубленые. Любе с собой — филейный кусочек на килограмм. А уж что сама Вера Петровна берет — это Любу не касается. Ее дело маленькое. Ей дали. Она сама ничего не взяла. Бывает, Вера Петровна скажет: «Иди в кладовую, отрежь себе колбаски, сыру, чего тебе надо». Люба всегда отказывается: «Дайте своей рукой». А в конце недели, когда шеф-повар остатки снимает, тогда Любе и масла шматок и сахару мешочек, а то и полкурицы. Вот такая она жена была.

Только это все, конечно, не дружков-товарищей кормить. А тут, извольте, собирается чуть не каждый вечер компания, и всякий раз чаем их пои, сыру да колбасы на стол поставь. Для чего это надо? Ну, поговорили, покричали, пол пластиковый, чистый натоптали, исцарапали и шли бы себе по домам. Нет! Каждый раз один разговор:

— Сообрази нам, жена, чайку да пожевать что-нибудь.

Всю жизнь мечтала!

Люба ему высказала по-хорошему:

— А для чего это, Витечка, нам их поить, кормить, от своего ребенка отрывать? Они, небось, наше едят да над нами же смеются. Кто они нам?

— Товарищи мои, — говорит. — Неужели я на кусок колбасы не заработал?

Да за этот кусок Люба иной раз через проходную идет, у нее вся спина мокрая и руки от страха немеют. Только Витечка, конечно, ничего про это не знает. Он думает — с его заработка живут. Он принципиальный. А какой тут может быть принцип?

Другой раз как приятели на порог, Люба все съестное попрячет да из дома. Иногда у подруги до десяти часов сидела. Онин сперва черной тучей смотрел, затем повадился вечерами уходить. Так и пошло. В будни его нет и в праздники нет. Все его куда-то посылают, все ему задания по работе дают. Сперва верила, потом забеспокоилась, да поздно. Распустился, разбаловался, наконец, и ночевать дома не стал.

Это и была ее вина, что долго терпела, все надеялась — образумится, никаких мер не приняла, до развода довела.

Как перестал он домой приходить, Люба его в жэке выписала. Там сперва не хотели, так она всех соседей свидетелями поставила, что он месяцами не ночует и за квартиру не платит. Выписали его. Он либо узнал, либо почувал — пришел. Торт принес, портвейну бутылку. С Володечкой весь вечер сидел, уроки помогал делать.

Спать легли — все как полагается. А потом

Люба возьми и скажи: «А ведь ты теперь и ночевать здесь права не имеешь. Я тебя выписала...»

Он как взвывается! Нехорошим словом обозвал, оделся — и уходит. Люба в дверях встала, он ее отпихнул, она в крик. Соседи милицию вызвали.

Вот после этого Онин на развод подал. Три раза дело откладывали. Один раз — не пошла Люба. Другой раз судья давал две недели на примирение. Онин отказался: «Не надо мне!» Люба сказала: «А мне надо». Третий раз Онин в командировке был. Вот тут бы ей к гадалке и пойти. Да ведь не знала. Это потом, когда уже развели, старушечка научила. Сидела на суде рядом, сочувствовала Любе, а потом дала адресок — далеко, в Теплом Стане. Час туда добираться. Не так чтобы очень верила Люба, однако поехала на всякий случай — судьбу свою налаживать, последнюю попытку сделать.

В Теплом Стане все дома новые — один в один. Высокие, белые, как меловые. Место еще не обжитое, деревца у домов маленькие, невидные — вроде голо все вокруг.

На четвертый этаж Любу повез лифт. Открыл ей парень. Лет двадцать ему, в голубом свитере. Черный, красивый. Люба и спросить ничего не успела, он сразу крикнул:

— Мама, к тебе! — И ушел.

Люба так и осталась одна. Даже неудобно. На вешалке одежда, на тумбочке флаконы какие-то. Пропадет что-нибудь — на нее подумают.

Наконец женщина появилась. Полная, черная. В цветастом кримпленовом платье. В руке луковича, и полотенце через плечо перекинута. Повела Любу в комнату. На стене ковер, подоконники вазами хрустальными заставлены. Вот как люди живут!

И опять Любу одну оставили...

* * *

Зина вернулась на кухню, выключила горелку под кастрюлей, в которой тушилось мясо. Сын налил кофе в большую чашку и пил без молока.

— Смотри, с молодых лет сердце расшаталось! — Она была недовольна мальчишкой.

Сын напомнил:

— Тебя там человек ждет.

— Это мое дело. А не хочешь в ГИТИС, по-давай в МАИ. Эх, глупая твоя голова...

Рука сама потянулась к слитым тяжелым кольцам его волос.

— Мне МАИ до фени, — сказал сын, — я эту математику ненавижу.

Вот так. Все хотят жить по-своему. Человек верное дело в руки взять может. Приятное, красивое дело. Ему прямая дорога в ГИТИС. Его оттуда в театр «Ромэн» с руками оторвут. С собой хорош, и голос есть. Ну, не такой, как у Сличенко, зато молодость. Не хочет! А на что ему филология? И что это за наука, чтобы на нее пять лет тратить? Девчонка его тащит. Любовь. А что потом будет, когда любовь кончится, а филология останется? Специальность не жена, с ней не разведешься. Мать знает, где его счастье, но свою голову ему не приставишь.

— Пустое дело, — сказала она, — цыгане никогда филологией не занимались.

— Цыгане веками посуду лудили и коней крали. К стати, тебя там женщина ждет.

Нарочно сказал. С намеком. Щенок. А на какие деньги ты в замшевом пальто ходишь? Зина знала за собой не поддающиеся разуму секунды гнева. Она с размаху ударила сына по щеке. Он закрыл глаза, и длинные ресницы легли ему на щеки.

А как ей, гневной и раздраженной, сейчас к клиенту выйти? Разум у нее должен быть спокойным, глаза зоркими, голос твердым. А сейчас что поймаешь? Чем поможешь? Самой кто-нибудь помог бы.

Вздохнула несколько раз, высоко поднимая грудь, чтобы успокоиться.

Вообще-то это ничего, что ждать заставила. Женщина, когда ждет, больше растрепожится и больше себя открит.

Зина сняла с плеча полотенце, смочила водой и пригладила волосы надо лбом.

Сын подошел к крану — помыть за собой чашку.

— Брось, — сказала она примирительно, — сама вымою.

Вышла из кухни в комнату и молча оглядела женщину.

Не старая. Глаза бегают. Жадные. Губы скорбные. Что ее привело? А первые слова надо сказать такие, которые доверие и уважение вызовут.

— Пропажа у вас...

Женщина еще горше губы поджала, подбородком задержала.

— Тяжелая пропажа...

Вздыхает, а держится. Сама ни нет, ни да не скажет. Значит, со своей стороны тоже проверяет.

Зина пригласила:

— Садитесь.

Устроила у стола, чтобы свет на лицо падал, сама напротив села, карты из ящика вынула. Этим картам лет пятьдесят будет. Еще мать Зины по ним гадала. Карты темные, набухшие, с мечами да желудями. Иногда действительно правду показывают.

Тасовала Зина карты не торопясь, чтобы дать женщине время расслабиться.

— Что-то мне ваша личность знакомая, — робко сказала Люба.

— Вполне возможно. Я газетным киоском заведу здесь за углом. И «спортлото» продаю. Газеты покупаете?

— Я в этом районе в первый раз.

— А раньше я у Октябрьского метро работала. Тоже в киоске.

— Ну, там я вас, возможно, видела. Значит, вы тоже работаете?

— Неужели! — сказала Зина. — Мне, как и всем, бюллетень бывает нужно. И пенсию — в дальнейшей жизни.

— Ну да, да, — закивала Люба.

— А это я просто людям помогаю. Всякий раз думаю — брошу, не приму никого. А люди приходят, просят. Ну как откажешь? Надо помочь, раз у меня такая возможность есть.

— Ну да, да, конечно...

Зина шлепнула карты на стол.

— Положи левую руку на колоду и думай про свою заботу, — приказала она. — Сейчас я вам открою, какое ваше положение. За это — три рубля. А насчет помощи — другой разговор.

Король треновый выпал, дама бубен и семерка пиковая — печаль. Вот и не верь картам!

— Мужчина вроде рядом, да не с вами. С разлучницей.

Заплакала Люба. Не вынесла.

— Увели его у вас! — уже совсем уверенно сказала Зина.

А уж как уводит, это Зина знала. Тут что ни скажи — все в точку.

— Сначала ласковый был, верный. Потом иначе дело пошло. Отходить стал — и сердцем и телом.

Люба закивала.

— Теперь вроде и совсем его с вами нет...

— Отметила я его, выписала...

— Деньги тебе из казенного дома...

— Алименты, — вздохнула Люба.

— Ребенок возле тебя...

— Володечка...

— За него болеешь. Ты свою жизнь можешь устроить. Вполне можешь! Есть один человек, он возле тебя ходит. Но ты своему ребенку чужого отца не желаешь.

Что-то Люба такого человека не замечала. Но гадалке видней. Вполне возможно, это завскадом Федор Иванович. Он, как встретится с Любой, всегда пошутит: «Как жизнь молодая? Какое самочувствие?»

— Врать не буду, карты показывают — остается тебе дорога долгая и тяжелая. На ближайшее время одинокая. А на дальнейшее время — это другое гадание нужно.

Зина сбросила карты, отсчитала двадцать одну и раскинула — для дома, для сердца, что было, что будет и остальные, как положено. А в самом конце — чем сердце успокоится. Было — надеждой.

Люба достала из сумочки три рубля. Ей за них целый день на работе вертеться, а эта за десять минут огребла да сунула куда-то, Люба и увидеть не успела.

— А помочь как-нибудь можно?

— Трудно этому делу помочь. Сама виновата — до развода довела. Теперь вдвое тяжелее.

— А сколько все же вы за это взяли бы?

Зина подумала.

— На работе у него была?

— Директор отказал принять. Партийный секретарь у них женщина. Она в отпуске была, с понедельника заступает. Схожу к ней.

— Ты меня слушай. Я сколько могу, буду помогать. Но это дело на самотек нельзя отдать. Ты и так уж много упустила. На работу, конечно, сходи. А то и повыше можно. Другие в газету пишут — тоже иной раз помогают. Он выпивать любит?

— В компании, по праздникам. А так — нет.

— Это плохо. На алкоголь сейчас большое внимание. Ну, что я вам скажу? Дело очень трудное. Только вас, как женщину, жалею. А то и не взялась бы. В пятницу принесешь мне рубашку его — обязательно ношеную, — две пачки иголок да сто рублей денег.

— Сто рублей! — откачнулась Люба.

— Это деньги не мои будут, — строго сказала Зина, — если за два месяца не вернется, я девчонку обратно отдам. А уж десять за труды пойдут. И тоже не мне — старухе одной, которая слово знает.

— Я ребенка одна воспитываю, скостили бы хоть половину, войдите в положение...

— Ох, не торгуйся, женщина! — предостерегающе подняла палец Зина. — Это дело не торговое.

— Нету же у меня ста рублей! И до получи еще неделю жить! — заплакала Люба, буд-то у нее и вправду не было денег.

— Последнее мое слово — восемьдесят. Вы, женщина, за счастье свое боретесь. Тут с расходами считаться не приходится.

Люба поняла, что больше ей не уступят. Настроение людей она всегда хорошо понимала. Бывало, Онин с сестрой своей в кухне тайком пошепчутся, а ей уже ясно, что ее, Любу, обсуждают. И тут поняла — рассердилась гадалка.

— Вы уж, миленькая, покрепче сделайте...

Зина усмехнулась:

— Меня учить не надо. Только если в ближайшее время придет, то постарайся, чтобы он твою вещь с собой унес. Духами поль-зуешься?

— Одеколон есть. «Лето».

— Ну, полей своим одеколоном хоть платок какой-нибудь и в карман ему положи.

Зина все хорошо втолковала своей клиентке. Теперь она пойдет по начальству, по общественным организациям. А Зина свое дело делает. Заколет иголками рубашку у сердца, у горла, рукава заколет — не просто, а с наговором. Душно человеку станет, сердце заболит, руки, ноги ослабнут. Домой потянет. И бывало — возвращались мужья к женам. Ну, а если нет, так деньги не просто отдашь, потянешь месяца три. Другой и надоесть ходить. А придется отдать — тоже не убыток. Десятка останется.

— А вы не интересуетесь журналы получать? Я вам «Здоровье» могу выписать. Сейчас многие по «Здоровью» лечатся. Я даже «Работницу» могу оформить. Очень дефицитные издания.

Нет, не заинтересовалась Люба. Что ей журналы, когда жизнь разбита!

Проводив клиентку, Зина пошла на кухню. Сын чистил картошку. Сам догадался. Золотой ребенок. С детства приученный к труду. Когда Зина работала дворником, поднимала его в четыре часа утра, и они шли вместе очищать улицу и двор от снега. Не для помощи, какая от ребенка помощь. Боялась, что разболтается, разбалует. До сих пор она его жизнь по-своему поворачивала и добилась того, что он ей принес золотую медаль из школы.

А теперь ее сын страдает душой. Ну не все ли равно, кем он будет? Лишь бы здоров да счастлив. Если не были филологами цыгане, пусть ее мальчик будет первым.

— Больно я тебя ударила? — сурово спросила Зина.

Он посмотрел на мать и улыбнулся.

— Мне твоя рука не тяжела.

Не помнит зла ее сын. Счастливая будет женщина, которой он достанется.

— Поступай куда хочешь, — сказала Зина, — делай, как тебе лучше.

И добавила на всякий случай:

— Только потом уж не кайся...

Окончание следует.

ГЕОРГИЙ ДЖАГАРОВ НА КИЕВСКОЙ СЦЕНЕ

Профессор Радев, один из крупнейших специалистов по охране окружающей среды, пытается воспрепятствовать строительству нового завода на пахотных землях, хотя такой завод очень нужен стране, да и возвести его надо в кратчайший срок. Все необходимые подписи, разрешающие стройку, уже поставлены. Нет только визы института, где работает Радев. А стройка уже началась. Многие высокие руководители понимают, что несогласие ученых-экологов с проектом — бомба замедленного действия, может сокрушить кое-кого...

В эту напряженную атмосферу борьбы сразу вводит зрителя спектакль «Эта маленькая земля», поставленный в Киевском академическом театре имени Леси Украинки народным артистом УССР В. И. Нашевым по пьесе болгарского драматурга Г. Джагарова.

Самое значительное здесь, что главный рубеж борьбы проходит даже не между людьми, а в них самих. В их сердцах.

Новый заместитель директора института Драгиев (его играет Владимир Мишаков) отлично понимает сложность обстановки, его и прислали из министерства, чтобы «вытащить» из ученых необходимое согласие. Драгиев многого добивается: одного он прельщает повышением по службе, другого — помощью в защите диссертации, третьему намекает на возможность расформирования института вообще: зачем, мол, народу наука, идущая вразрез с интересами большинства... И даже ближайшие сотрудники Радева отказываются от борьбы.

Заслуженный артист УССР Николай Досенко в роли Радева видит в своем герое простого, очень современного чело-

века: он доступен, покладист и не лишен чисто человеческих слабостей; кажется, не устоять ему, особенно когда от борьбы отказались друзья, кроме Божиловой, которую очень тонко, с присущим ей обаянием играет народная артистка УССР Ада Роговцева. Но для Радева отказаться от своих убеждений — значит лишить смысла собственное существование.

Все, с кем нас знакомит театр, неоднозначные люди. Интересен образ замминистра Лазарова, который использует Драгиева как свое орудие, а после разоблачения в институте переводит его на работу в... министерство. Народный артист УССР Анатолий Решетников играет Лазарова человеком, который верит в то, что говорит и делает... И это еще больше обостряет напряженность атмосферы спектакля.

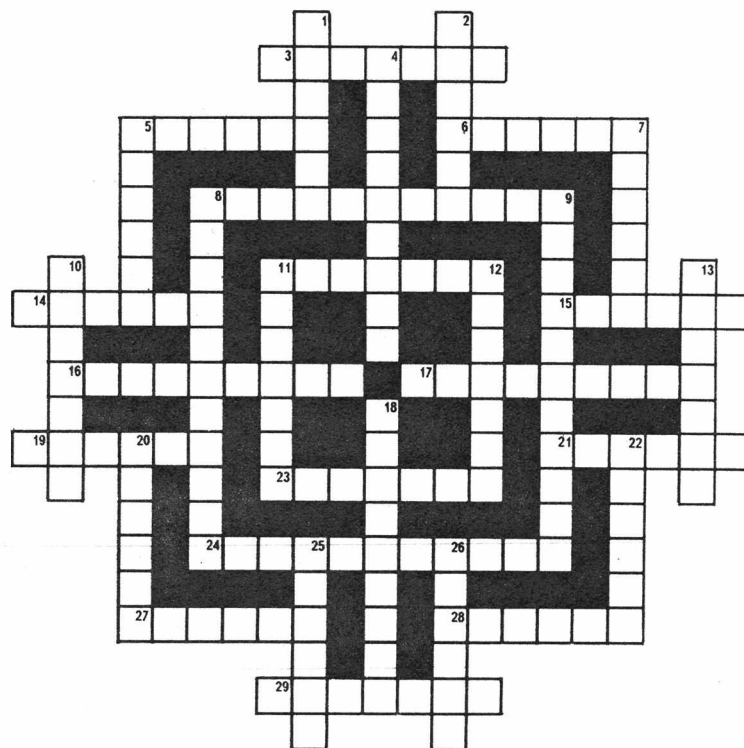
Заслуга его создателей в том, что научная и даже чисто экономическая, казалось бы, проблематика пьесы поднимается до высоты важнейшей моральной проблемы нашего времени. Мы видим, что отношение к земле, к природе характеризует нравственный уровень человека. И острее других это чувствует профессор Радев, восстающий против демагогических лозунгов о любви к земле «вообще»: под прикрытием разговоров «вообще» удобнее грабить «в частности», разрушать природу пядь за пядью...

Спектакль никого не оставляет равнодушным. Хлесткие, точные реплики героев столь злободневны, что зал то и дело откликается на них аплодисментами.

Новая работа коллектива театра стала заметным событием сезона.

С. КАЛИНИЧЕВ

С. Филиманов и Н. Досенко в спектакле «Эта маленькая земля». Фото Н. Козловского

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Зодиакальное созвездие. 5. Горячий источник вулканического происхождения. 6. Рыба семейства лососевых. 8. Центр автономной области. 11. Минерал синего цвета. 14. Холодное оружие. 15. Период времени. 16. Смычковый музыкальный инструмент. 17. Субтропическое плодородное дерево. 19. Молочный продукт. 21. Ягода. 23. Прыжок в балете. 24. Автор романа «Гойя». 27. Масса затвердевшего металла. 28. Народный поэт Азербайджана. 29. Крытый балкон, терраса.

По вертикали: 1. Остров, на котором расположен город Курильск. 2. Деталь ткацкого станка. 4. Курорт в Ставропольском крае. 5. Трагедия Шекспира. 7. Одновременное сочетание нескольких звуков различной высоты. 8. Оптический прибор. 9. Устройство для непрерывного перемещения грузов. 10. Овощное растение. 11. Неглубокий овраг. 12. Столовая посуда. 13. Гидротехническое сооружение. 18. Птица. 20. Отрезок, соединяющий точку окружности с центром. 22. Русский врач-терапевт. 25. Спортивная игра. 26. Штат США.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 9. Пиццикато. 10. Автопилот. 11. Трюмо. 12. Орлов. 13. Ватерполист. 17. Косеканс. 19. Магнолия. 20. Классификация. 23. Ватрушка. 25. Оригинал. 27. Минералогия. 31. Титло. 32. Мазай. 33. Космодром. 34. Кедровник.

По вертикали: 1. Микрофон. 2. Титов. 3. Капитан. 4. Шофер. 5. Радио. 6. Статика. 7. «Оплот». 8. Поморник. 14. Парафраза. 15. Песнь. 16. Солярий. 18. Сосна. 19. Мокко. 21. Барвинок. 22. Тасмания. 24. Конкурс. 26. «Рогнеда». 27. Молот. 28. Рифма. 29. Лайка. 30. Ямбол.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: МОСКВА.
Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международной — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 30/V — 1977 г. А 00369. Подп. к печ. 14/VI — 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1492. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 638.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

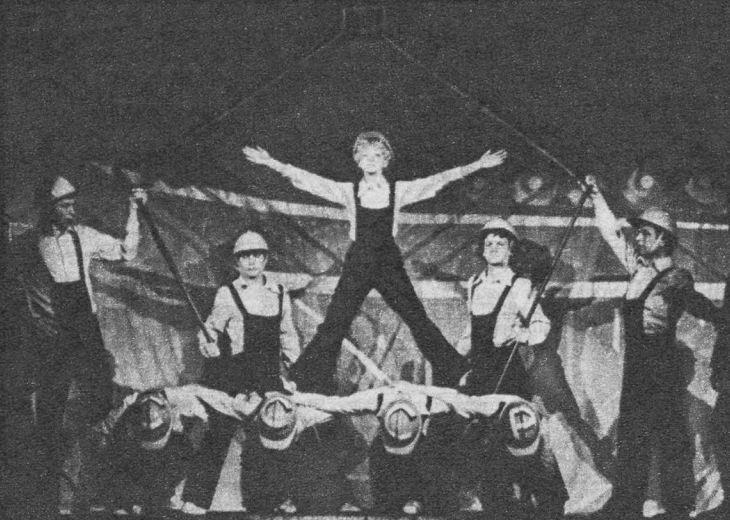
На сцене — ашуги Дагестана.

О бильна талантами наша страна... Пожалуй, и не найдешь сегодня на карте такого города, поселка, села, где трудовые люди, одержимые искусством, не встречались бы после рабочего дня для очередной репетиции спектакля, концерта... Начавшись именно в этих глубоких «глубинках» и набирая все новую силу, опираясь на дарования самые яркие, а часто получившие уже немалый опыт и признание, Всесоюзный фестиваль самодеятельного творчества трудящихся быстро расширял свои границы. И вот победители множества районных, городских, межзональных смотров художественной самодеятельности РСФСР встретились в Москве на сцене Кремлевского Дворца съездов.

Гордость за свою Советскую Отчизну, благодарность и любовь к Коммунистической партии звучали в выступлениях лауреатов. Радостно то, что почти все выступления — была ли то задушевная многоголосая песня, либо стремительный вихревой танец — шли на уровне высокого, порою даже профессионально отточенного мастерства, блистая находчивостью, остроумием, веселой выдумкой...

Народ-строитель, народ-хозяин и творец своей жизни стал еще и народом-художником.

Хореографическая композиция ансамбля «Зори Магнитки».

«Песню не убить». Танцевальный коллектив Рязанского педагогического института.

МАСТЕРСТВО

«Нива золотая», ансамбль песни и пляски (Ставропольский край).

Сводный русский народный хор.

И ВДОХНОВЕНИЕ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Ансамбль «Горец» из города Орджоникидзе.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

